

* БИБЛИОТЕКА ПО ИСТОРИИ
ДЛЯ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ *

С. Я. ЛУРЬЕ

ПИСЬМО ГРЕЧЕСКОГО МАЛЬЧИКА

* УЧПЕДГИЗ *
МОСКВА · 1936 · ЛЕНИНГРАД

БИБЛИОТЕКА ПО ИСТОРИИ ДЛЯ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

К. Я. ЛУРЬЕ

ПИКЪМО ГРЕЧЕККОГО МАЛЬЧИКА

Утверждено
Наркомпросом РСФСР

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА • 1936 • ЛЕНИНГРАД

Цена 70 к., пер. 30 к.

Ответств. редактор *П. И. Пронин*.
Технич. редактор *Л. Н. Никольская*.
Корректор *Н. И. Носилов*.

Художник *П. Н. Григорьевский*.
Книга сдана в набор 16/XII 1935 г.
Подписана к печати 12/II 1936 г. У-22.
Учпедгиз № 6924. Ленгорлит № 4274.
Тираж 20 000 экз. Заказ № 283. Формат бумаги 82×110 см. Изд. л. 61/4.
Авт. л. 4,54. Бум. л. 1⁹/₁₆. 64512 тип. зн. в 1 б. л. Бумага ф-ки ВИШХИМЗ.

2-я типография „Печатный Двор“,
треста „Полиграфкнига“. Ленинград,
Гатчинская, 26.

Посвящаю

Мирочке Копржива

отличнице 6-го класса

6-й школы Выборгского района

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Введение. Профессор Найт и его папирус	7
I. Мы знакомимся с маленьким Феоном	20
II. Феон показывает свой характер	29
III. Феон узнает важные новости	48
IV. Феон путешествует	61
V. Маленький Феон не согласен с большим	81
Объяснение непонятных слов, отмеченных в тексте цифрами	95

ПРЕДИСЛОВИЕ

После выхода первого издания этой книги целый ряд юных читателей обращался ко мне с вопросом — выдумка или правда то, что в ней написано.

Отвечаю. Письмо маленького Феона не выдуманно мною. Оно действительно найдено в египетском городе Оксиринхе и хранится теперь в Англии, в библиотеке Оксфордского университета. Я напечатал его точно, дословно, без изменений. И все прочее, чего не было в первом издании, и о чем я рассказываю здесь, я не выдумал, а взял из других египетских же папирусов. До нас дошли и школьные тетради греческих учеников и школьный словарь к Гомеру. Из них я узнал все, что делалось в греческой школе. Только как толковали в древней школе Гомера, я узнал не из папируса, а из сочинения греческого писателя Плутарха*.

Из папируса взят мною и рассказ о том, как сын знатного римлянина выломал палец сыну бедного египетского крестьянина из зависти к его успехам. В папирусах же я нашел и документ о передаче Аполлония-Ионафана по наследству, и письмо Илариона к Алите. Материал для разговоров Феона с Архелаем и Аполлонием взят мною, конечно, не из папирусов, а из книг; только рукопись приводимого здесь сочинения Антифонта написана на папирусе и найдена при раскопках в Оксиринхе там же, где письмо маленького Феона. На папирусе же написано и дошло до нас малограмотное письмо раба, которого пытали, к своему „доброму господину“. Рассказ египтянина Онуфрия взят лишь в незначительной части из сочинения греческого писателя Геро-

---

* Греческие книги по большей части не дошли до нас на папирусе. Они переписывались из поколения в поколение до тех пор, пока уже их стали писать не на папирусе, а на коже, на пергаменте. На пергаменте дошли до нас сочинения Плутарха.

дота; большая его часть составлена из рассказов, написанных частью на греческих, частью на египетских папирусах. Дошло до нас на папирусе также и объявление о выселении египтян из Александрии, приведенное мною в точности. Из папирусов мы знаем также о восстании египтян в Александрии, хотя подробности и действующих лиц мне пришлось добавить самому.

Все эти рассказы папирусов я соединил вместе, прибавив к ним выдуманные сцены. Для этого пришлось кое-где изменить подробности, имена и числа. Получилась связная история.

Конечно, если бы за это дело взялся писатель-художник, то вышло бы много лучше. Но я, дорогие читатели, не умею писать романы. Я — только ученый, и моя цель — поделиться с вами собранным мною материалом.

Замечу еще, что слова, точно выписанные из древних папирусов, напечатаны курсивом (т. е. шрифтом, похожим на рукописный), так что вы сразу можете отличить правду от выдумки.

Проф. С. Я. Лурье.

ВВЕДЕНИЕ

ПРОФЕССОР НАЙТ И ЕГО ПАПИРУС

Поезд уже ушел, а я все еще стоял на платформе Октябрьского вокзала в Ленинграде, держа в руке маленький, аккуратно запакованный четырехугольный предмет. Сквозь бумажную обертку я прощупал стекло.

— Повидимому, — это его фотографическая карточка, — думал я.

Этот пакет был оставлен мне при прощании американским профессором Найтом, только что уехавшим в скором поезде из Ленинграда в Москву.

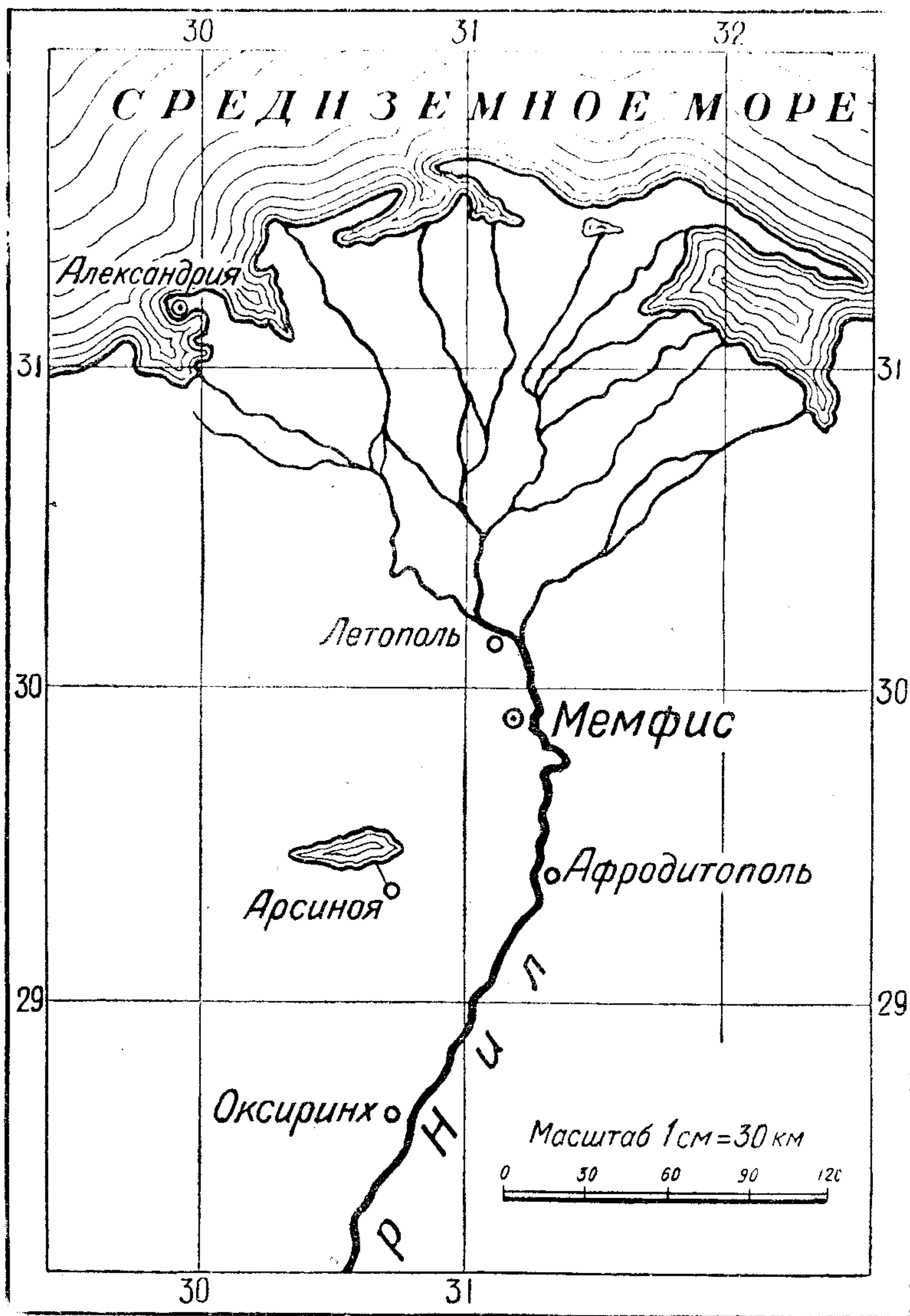
Найт, профессор археологии¹ Энн-Арборского университета, приехал из Америки в СССР, чтобы познакомиться с новым бытом советской России. Три дня я сопровождал его в качестве собеседника и проводника по всем замечательным местам Ленинграда. Теперь он уехал в Москву, и оставленный им предмет был, скорее всего, знаком благодарности за причиненное мне беспокойство.

Придя домой, я развернул бумагу и увидел зажатый между двумя стеклами коричневый листок. Я раскрыл стеклянный футляр, и листок выпал на стол.

— Интересная бумажка, — подумал я. — Это будет поинтереснее фотографической карточки Найта!

Я осторожно приподнял и пощупал листок. Он был в дырах, и на нем стояли какие-то значки. Он несколько не походил на бумагу. Листок был плотный, твердый, очень хрупкий,

Карта долины р. Нила в начале нашей эры.

жилки - волокна выдавались так, что их почти можно было ощупать руками.

Я поставил листок перед лампой и увидел, что темно-коричневые волокна отчетливо выделялись на светлокоричневом фоне. Они шли вдоль и поперек, точь в точь, как на куске холста.

Бумаги, которая состояла бы из таких волокон, не бывает, — это не бумага.

Передо мной был папирус. На бумажной рамке, скреплявшей оба стекла, было написано: „With A. N. Knight's compliments and thanks“ — „С комплиментами и благодарностью А. Н. Найта“. Так пишут англичане на подарках... Значит, Найт подарил мне папирус.

Я стал вспоминать все, что я знаю о папирусе.

О папирусе я когда-то читал у римского писателя Плиния. Папирус делали в Египте много сотен лет тому назад, когда еще не умели делать бумаги. Его приготавливали из водяных растений, густыми зарослями растущих по берегам Нила.

Трехгранные стебли этого растения расщеплялись острым ножом на длинные полоски. Эти полоски расстилали рядами сначала вдоль, потом поперек. На них накладывали тяжелые камни. Из волокон выделялся клей, который соединял полоски в плотные шероховатые листы. А листы затем выглаживали раковинками и склеивали в длинные трубки — готовые листы-папирусы.

Такие листы я видел у нас в Эрмитаже, в египетском отделении.

Теперь папирус перестали выделывать. Он очень дорог, — папирус вытеснила более дешевая бумага.

Зато папирус был очень прочен. Бумага, на которой напечатана эта книжка, истлеет и рассыплется лет через триста. А папирус сохраняется без вреда в сухом месте тысячи лет.

Моему листку, наверно, больше тысячи лет.

Тысяча лет назад — это страшно давно.

В моей комнате нет ни одной вещи старше пятидесяти

лет. В Ленинграде нет ни одного дома старше трехсот лет.

Тысячу лет назад не было ни Ленинграда, ни Москвы, ни России. Люди тогда жили совсем по-другому.

Прочтя папирус, думал я, я узнаю, как жил, что делал человек больше тысячи лет назад, и о чем он думал, когда сидел за столом и писал.

В ближайшие дни я не мог заняться папирусом, так как был очень занят.

Через несколько дней пришел почтальон и принес мне письмо со штемпелем: „Москва“. По почерку на конверте я сразу узнал, что письмо — от Найта. Найт описывал свои московские впечатления, а затем сообщал историю подаренного мне папируса.

«Вас наверное заинтересовал мой подарок. Позвольте же сообщить вам, как он попал в мои руки.

Несколько лет тому назад была снаряжена научная экспедиция в Египет. В ней принял участие и я. Нет другой страны, которая могла бы дать столько нам, археологам. В Египте сухо, и вещи сохраняются там под песками тысячи лет.

Вам известно, что при похоронах египтяне клали в могилу вместе с покойником много мелких вещей. По этим вещам и надписям, которые находят на стенах гробниц, можно представить всю жизнь египтян. Еще далеко не все египетские могилы разрыты, можно надеяться найти нетронутые, интересные для ученого. Я поехал в Египет раскапывать гробницы египетских фараонов.

Выехал я из Нью-Йорка на пароходе и через две недели прибыл в Александрию. Оттуда отправился вверх по Нилу на речном пароходе. Я увидел берег с пальмами и невысокие Мокаттамские горы. Это был Каир², — я знал, что до Каира нет никаких гор. Из Каира я поплыл вверх по Нилу, к развалинам древнего города Оксириха.

В первый же день я обошел разрушенный город кругом. Моим глазам представилась унылая картина.

От Оксириха действительно не осталось ничего, кроме

кирпичных фундаментов домов. Самые дома давным-давно развалились, и окрестные жители растаскали кирпичи себе на постройки.

На краю города я заметил несколько странных круглых холмов. Холмы были невысоки, не более двенадцати метров высоты.

Откуда взялись эти холмы? Это могли быть или засыпанные землей остатки домов или засыпанные землей мусорные кучи.

Ведь в древности помойных ям не было. Весь мусор и хлам выбрасывался в поле на краю города. За много столетий могли вырасти целые холмы мусора.

Но если это действительно мусорные кучи, стоит ли в них копать?

Что может быть в них, кроме мусора?

Конечно, меня гораздо больше интересовали гробницы фараонов. Но все-таки я дал себе слово: если у меня после раскопок гробниц останется время, — раскопать и эти холмы.

Я разыскал несколько еще никем не исследованных гробниц. Я нанял рабочих, и мы стали осторожно откапывать вход в одну из них. Пять дней мы рыли песок. Наконец, перед нами открылась неглубокая яма, около метра глубины и такой же ширины. Четырехугольные известковые плиты стояли двумя рядами, справа и слева, в два слоя; третий слой служил как бы крышкой этой комнатки. Прямо на полу лежала мумия.

Но никаких вещей и украшений в гробнице не было. Она была пуста: ее ограбили, наверно, уже много веков назад. Теперь гробница была неинтересна.

Еще несколько гробниц раскопали мы и каждый раз натывались на ту же неудачу, — до нас в гробницах побывали воры.

Но оставалась еще одна гробница, на которую я надеялся. Эта гробница была расположена на краю пустыни. Когда мы раскопали ее, мы увидели, что в нее вел крутой спуск, похожий на колодезь.

Я осторожно спустился в этот колодец и очутился на глубине четырех метров. При свете фонаря я разглядел узкую горизонтальную шахту, нечто вроде подземной комнаты. Я пробрался туда и увидел истлевшие деревянные гробы. В них лежали почерневшие трупы — мумии³. Голова и грудь у них были покрыты гипсом, на гипсе было что-то нарисовано. Рядом лежали венки и разные вещи.

Раскопки в Египте.

Я подошел к мумии и хотел снять с нее гипсовую маску. Я знал, как важно сохранить маску в целости, и осторожно взял ее в руки. Но она сразу рассыпалась в порошок. И к чему бы я ни притрагивался, каждая вещь сразу рассыпалась в пыль.

Я понял, в чем дело. Мумии и все вещи отсырели и прогнили насквозь. Каждая вещь еще сохраняла свою форму, но это была уже не вещь, а куча трухи.

Это меня в первую минуту удивило. В Египте воздух совсем сухой, и в песчаной земле нет сырости. Оттого-то в Египте и находят столько старинных вещей.

Как же могла сырость попасть в гробницы?

Когда-то, может быть, много веков назад, было наводнение, и вода из Нила проникла в гробницу. Вода ушла назад, но сырость осталась, впиталась в мумии и вещи и медленно сгноила их.

Мы вернулись домой разочарованными.

Теперь нам не оставалось ничего другого, как заняться мусорными холмами.

Ведь бывает, что с мусором нечаянно выбрасывают ценные вещи. К тому же Оксирих был довольно большим городом, — по развалинам видно, что он имел больше двух километров в длину и почти километр в ширину. Пожалуй, в мусоре может попасться что-нибудь интересное.

Наняв несколько рабочих, мы стали рыть горизонтальные рвы, так называемые траншеи. Рабочие копали очень осторожно, чтобы не повредить тех драгоценных вещей, которые могли встретиться.

Но драгоценностей в мусорных кучах найдено было очень немного. Нашли около шестисот древних монет, из них только сто серебряных, а остальные медные; очень много кожаных марок со штемпелями на них. Это, я думаю, — древние билеты для входа в театр. Затем нашли несколько амулетов⁴ с заклинаниями, очень много игральные кости-бабок, разбитые бутылки, статуэтки, сломанные металлические ножи и лампы, булавки бронзовые, железные и костяные.

Но полной неожиданностью было другое: в мусорных кучах мы нашли необозримое множество папирусов. Число рабочих было увеличено до пятидесяти пяти взрослых и стольких же мальчиков. Каждой паре — взрослому с мальчиком — был отведен особый участок земли. Взрослый должен был тщательно перебирать землю на своем участке и выбирать папирусы, а мальчик — складывать все найденные папирусы в одно место. Каждый участок земли точно отмечался на плане, чтобы потом можно было узнать, какие папирусы были найдены рядом. Очень многие из них были повреждены и разорваны при раскопках, так что один ку-

сочек оказывался в одном участке, а другой кусочек того же папируса — в соседнем участке. Эти планы помогали правильно соединять между собой разорванные куски.

Папирусы редко вынимали из земли в таком виде, что их можно было сразу же читать. Часто они были склеены друг с другом, скомканы или облеплены слоем плотно приставшей земли. Поэтому прежде всего мы разглаживали и очищали папирусы, стряхивая прилипшую к ним землю. Потом их клали на час-другой в маленькие ванны с теплой водой. Земля постепенно размокала и отпадала.

Монета из Оксиринха.

Два человека были специально приставлены для изготовления корзин для папирусов, но они никак не поспевали за работой. Не хватало также чемоданов и закупленных в деревне больших ящиков

для упаковки этих корзин. И неудивительно: в Оксиринхе было найдено чуть ли не больше папирусов, чем во всем остальном Египте! Оказалось, что в мусорные кучи выбрасывались архивы⁵ древних канцелярий. Папирусы при раскопках часто еще лежали в тех самых старинных корзинах, вместе с которыми они были выброшены из канцелярий на свалку.

Глубоко рыть нам не приходилось. Как только глубина траншеи достигала тех слоев земли, которые хоть когда-либо в прошлом пропитывались нильской водой во время разлива, находки сразу прекращались.

Вообще, папирус воды не боится. Его можно спокойно мыть. На солнце он быстро высыхает и не теряет своей прочности. Другое дело под землей: здесь, в темноте, достаточно капли сырости, чтобы совершенно уничтожить его в течение долгих столетий.

Трудно себе представить, какая масса рукописей отсырела и погибла здесь.

И все же нам удалось найти в одних только верхних слоях больше двух тысяч папирусов. Чего здесь только не было! И детские школьные упражнения, и научные сочинения, и стихи, и романы, и трагедии. Но больше всего здесь было различных документов — приказов, прошений, договоров, расписок. Не мало нашли мы и писем. Все папирусы мы передали музеям, и только несколько я оставил у себя.

Я долго думал, дорогой коллега, чем мог бы я отблагодарить Вас за Вашу любезность. Вы были моим неотлучным спутником и проводником по Советской земле, по великой стране будущего. Чем могу отблагодарить Вас я, скромный исследователь прошлого?

Я могу служить Вам проводником только по одной стране. Эта страна — Древний Египет, которому я посвятил всю свою жизнь ученого. Я посылаю Вам один из папирусов, найденных мной в Оксирихе. Пусть он послужит Вам как бы билетом для мысленной поездки в Древний Египет.

Я не хочу пока ничего сообщать Вам о содержании папируса, чтобы не лишить Вас удовольствия разобраться в нем самому.

Надеюсь, что Вы не откажетесь прислать мне маленький отчет о Вашей оригинальной поездке.

Искренне Ваш А. Н. Н а й т.»

Я принялся за разбор папируса.

Конечно, для меня не могло быть сомнения, что папирус написан не по-египетски, а по-гречески: буквы, которыми он исписан, когда я присмотрелся к ним, оказались похожими не на египетские значки-иероглифы, а на наши русские буквы, например: А Г Е К Л М О П Р С Т Ф Х. Θ и Ι, которые я также разобрал на папирусе, употреблялись у нас до самой революции (например, в слове „Θεοδοσία“).

Знаете ли вы, почему старинный папирус написан буквами, которые так похожи на русские?

Русских букв никто не изобрел, их не выдумали, а взяли из болгарской азбуки. А болгарская азбука тоже никем не

α — а	ℕ — N латинское
β — в	ο — о
γ — г	π — п
Δ — д	ρ — р
ε — е	σ — с
η — и	τ — т
θ — θ фита	υ — V ижица
ι — і	φ — ф
κ — к	χ — х
λ — л	Σ, Ψ
μ — м	ω

Таблица — сравнение букв папируса с русскими.

была изобретена, — она была взята с греческой. Вот потому-то русские буквы и похожи на греческие.

Но почему египетский папирус написан греческими буквами?

Представьте себе, что в одной из комнат вашей школы стоит мусорный ящик, в который ребята бросают ненужные

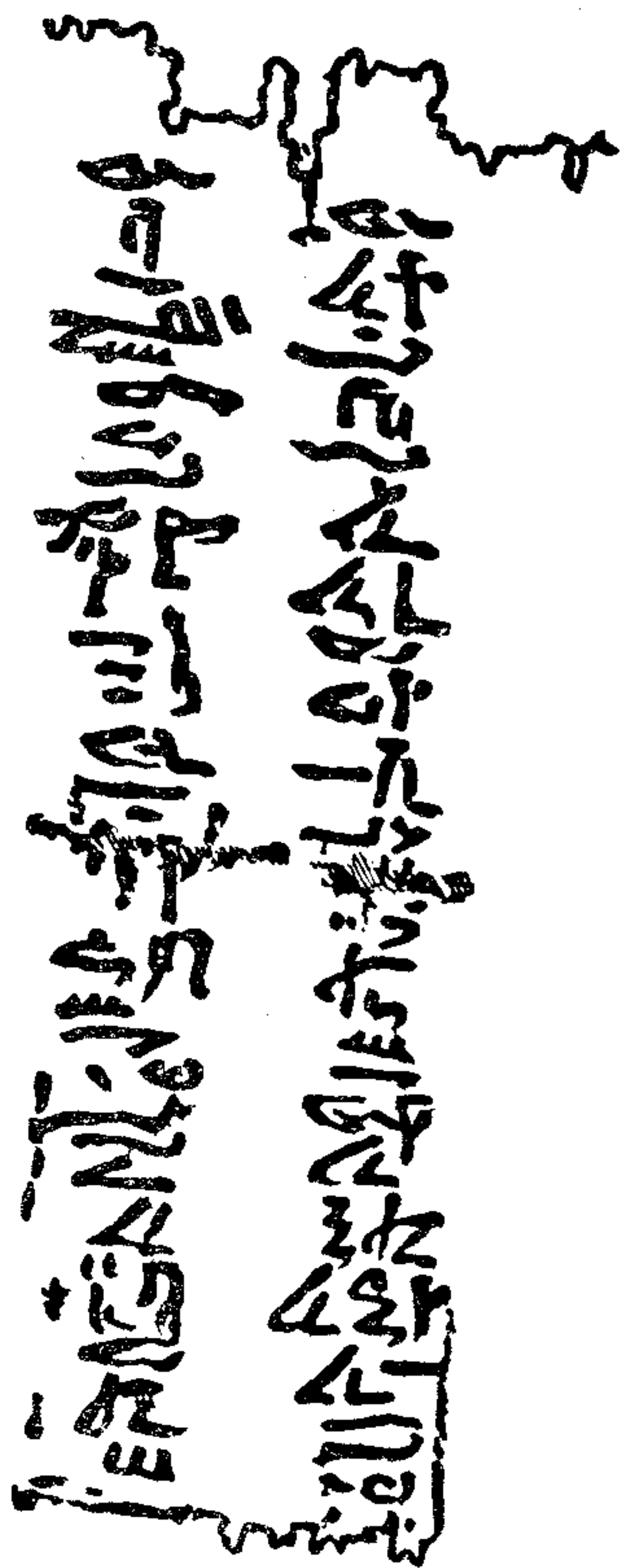
бумажки. В ней накопится слой бумаг. Придет другой класс и набросает сверху еще бумажек. Затем придет еще один класс, и в ящике вырастет третий слой бумаг. И если потом уборщице придет в голову разобраться в этих бумажках, она различит по теме работ три разных слоя; самые давние бумажки будут в глубине, а сверху — самые новые.

Папирусы, которые находят в Египте, тоже лежат слоями.

В самом верхнем слое находят папирусы, написанные по-арабски. Если копать глубже, пойдут папирусы, написанные частью по-коптски, частью по-гречески. Копты говорили на египетском языке, но писали буквами, похожими на греческие.

В еще более глубоком слое находят главным образом греческие папирусы, но встречаются также латинские (римские) и египетские, написанные скорописью: знаки совсем не похожи на изображения животных, а имеют вид черточек и завитушек. Еще глубже встречаем только греческие и египетские папирусы; латинских уже не встречается. И, наконец, на самой глубине могут встретиться самые древние папирусы, написанные древнеегипетскими (гьератическими) письменами.

Несколько тысяч лет назад египтяне, как вы знаете, имели свое египетское государство. Столицами его были города Фивы и Мемфис. В 332 г. до нашего летоисчисления македонский царь Александр Великий, покоривший всю Грецию,

Египетский (гьератический) папирус.

совершил поход на Египет. Он основал новую столицу Египта — Александрию. Египетские жрецы признали его своим законным царем-фараоном, и с тех пор Египет стал принадлежать грекам. Во всех странах, завоеванных Александром, распространялась греческая культура. После смерти Александра его царство распалось на ряд более мелких государств. Во главе Египта стал греческий царский род Птолемеев⁶, живших в Александрии. Греки во множестве переселились в Египет, подчинили себе египтян и стали хозяевами страны. Египтяне же работали на них — обрабатывали землю и доставляли им хлеб.

В 30 г. до нашего летоисчисления, когда власть в Риме захватил император Август, Риму принадлежала уже вся Греция. Август присоединил к Римской империи и Египет, но римлян в Египте и после этого было мало. Египет имел теперь двух хозяев — римлян и греков.

В 284 г. нашего летоисчисления Египет стал частью Восточной Римской империи. Весь мир разделился тогда на два государства: на Западную Римскую империю со столицей в Риме (здесь главным языком был латинский) и на Восточную, Византийскую (столица с 330 г. Константинополь, нынешний Стамбул), где говорили на греческом языке.

Наконец, в 641 г. Египет завоевали арабы. При помощи местных жителей-коптов, потомков древних египтян, им удалось свергнуть ненавистное господство Византийской империи.

Теперь никто больше не говорит ни по-египетски, ни по-древнегречески. Этих народов больше нет на земле. Кто может рассказать, как жили люди тысячи лет назад? Но глубоко проникает лопата ученого. Она отыскивает в песках древние рукописи, гробницы, мраморные статуи и целые города.

Люди научились печатать книги всего пятьсот лет назад. Раньше книги писались от руки, так же, как письма и документы. Наш папирус, конечно, тоже написан от руки.

Но письма и документы в греческом Египте писались

скорописью: буквы в них соединены между собой. А книги писались гораздо тщательнее. Их писали специалисты-переписчики; они старательно выводили каждую букву в отдельности и не соединяли букв между собой. Так же заставляли писать и учеников в школе. Так что по шрифту легко сразу сказать, что это за папирус: если буквы стоят отдельно, — значит отрывок из книги или школьная тетрадь; если буквы соединены, — значит документ или письмо.

В нашем папирусе буквы не соединены. Однако тщательно и аккуратно написаны только первые строчки: дальше у писавшего нехватило терпения, и он начинает выводить каракули. Ни один переписчик книг не мог бы так писать. Что же это такое? Этого, не прочтя папируса, я не мог решить. Зато, еще не начав читать подаренный мне желтый листок, я знал уже многое.

Этот листок — кусок папируса.

Он был найден в Египте.

Он был написан давно, больше тысячи лет назад.

Папирус написан по-гречески.

После этого я решил прочесть папирус и перевести его на русский язык.

МЫ ЗНАКОМИМ ВАС С МАЛЕНЬКИМ ФЕОНОМ

Я положил посередине стола чистый лист бумаги, слева от него папирус (см. рис. на стр. 23), справа на всякий случай, толстый трехтомный греческий словарь и принялся переводить и записывать перевод.

Вскоре на листе бумаги можно было прочесть:

ΘΕΩΝ	ΘΕΩΝΙ	ΤΩ	ΠΑΤΡΙ	ΧΑΙΡΕΙΝ
Теон	Теони	то	патри	хайрейн
Феон	Феону		отцу	радоваться.

Я знал, — так всегда начинались греческие письма. Это — то же, что по-русски: Феон шлет привет своему отцу Феону (отец и сын, значит, имели одно и то же имя) или проще — Здравствуй, дорогой папа!

И в самом деле, на обороте листка я прочел и кому послано письмо (на нашем рисунке задней стороны листка, конечно, не видно).

ΑΠΟΔΟΣ	ΘΕΩΝΙ	ΑΠΟ	ΘΕΩΝΑΤΟΣ	ΥΙΩ
Аподос	Теони	апо	Теонатос	юйо
Передай	Феону	от	Феоната,	сына.

Ясно, — это письмо. Почему же на нем нет более точного адреса — ни города, ни улицы, ни дома? Потому что почты тогда не было, и письма передавались через знакомых. Писать точный адрес не было необходимости.

Но почему не указана фамилия получателя, а только имя? И это меня не удивило. Я знал, что фамилий тогда не было, — людей называли только по имени и отчеству.

Не удивило меня и то, что на адресе написано: „передай“, а не „передайте“. В то время все говорили другу другу „ты“.

Знал я также и то, что на „ат“ у греков оканчивались ласкательные формы имен, поэтому „Феонат“ — это то же, что по-русски „маленький Феон“, или почти то же, что „Феденька“. Стало быть, я уже знал: наш папирус — письмо мальчика к отцу.

Отец, очевидно, находился в Оксирихе, так как письмо найдено здесь. Значит, сын жил где-то в другом месте.

Сделав это открытие, я вернулся к письму.

ΚΑΛΟΣ

Калос

Хорошо

ΕΠΟΙΗΣΕΣ

эпойесес

ты сделал:

ΟΥΚ   ΑΠΕΝΗΧΕΣ   ΜΕ   ΜΕΤ   ΕΣΟΥ   ΕΙΣ   ΠΟΛΙΝ

Ук   апенехес   ме   мет   эсу   эйс   полин
Не   взял   меня   с   собой   в   город!

Город — это, конечно, Оксирих. Если бы мальчик жил в каком-нибудь другом городке, он не назвал бы Оксирих просто „городом“, а сказал бы „в Оксирих“. Кто же мог бы сказать вместо „Оксирих“ — просто „город“? Только житель деревни, от которой недалеко до Оксириха. Значит, мальчик жил где-то поблизости Оксириха.

Дальше:

Η   ΟΥ   ΘΕΛΙΣ   ΑΠΕΝΕΚΚΕΙΝ   (ΜΕ)   ΜΕΤ*

э   у   телис   апенеккейн   (ме)   мет

Если   не   хочешь   повезти   (меня)   с

---

* Первое ΜΕ на папирусе пропущено. Наверное вы замечали, что мы часто по рассеянности пишем только один раз то, что надо написать два раза, напр. „пролись“ вместо „пролились“ (ли вместо лили). Так и Феон вместо *мемет* написал *мет*.

ΕΣΟΥ	ΕΙΣ	ΑΛΕΞΑΝΔΡΙΑΝ
эсу	эйс	Александриан
собою	в	Александрию.

ΟΥ	ΜΕ	ΓΡΑΨΩ	ΣΕ	ΕΠΙΣΤΟΛΗΝ
у	мэ	грапсо	се	эпистолен
Не		напишу	тебе	письмо

ΟΥΤΕ	ΛΑΛΩ	ΣΕ
уте	лало	се
и	говорить не буду	с тобой

ΟΥΤΕ	ΥΙΓΕΝΩ	ΣΕ	ΕΙΤΑ
уте	юйгено	се	эйта.
и не скажу:	„будь здоров!“	тебе	больше.

Из письма видно, что мальчик обижен: он надеялся, что отец возьмет его с собой, а отец этого не сделал.

Наверное, отец часто брал мальчика с собой в Оксирих, а на этот раз он не взял его; не взял потому, что хотел ехать не только в Оксирих, а гораздо дальше — через Оксирих в Александрию. Мальчик очень обижен. Он угрожает отцу, что не будет с ним больше разговаривать. Маленький Феон верил, что эта страшная угроза испугает отца, и тот придет за ним. Ясно, что когда Феон писал письмо, он думал, что отец был еще в Оксирихе и не уехал еще оттуда в Александрию.

Читаем письмо дальше:

ΑΝ .	ΔΕ	ΕΛΘΗΣ	ΕΙΣ	ΑΛΕΞΑΝΔΡΙΑΝ
Ан	де	элтэс	эйс	Александриан,
Если	же	придешь	в	Александрию,

ΟΥ	ΜΗ	ΛΑΒΩ	ΧΕΙΡΑΝ	ΠΑΡ	ΕΣΟΥ
у	мэ	лабо	хейран	пар	эсу
я	не	возьму	руки	у	тебя,

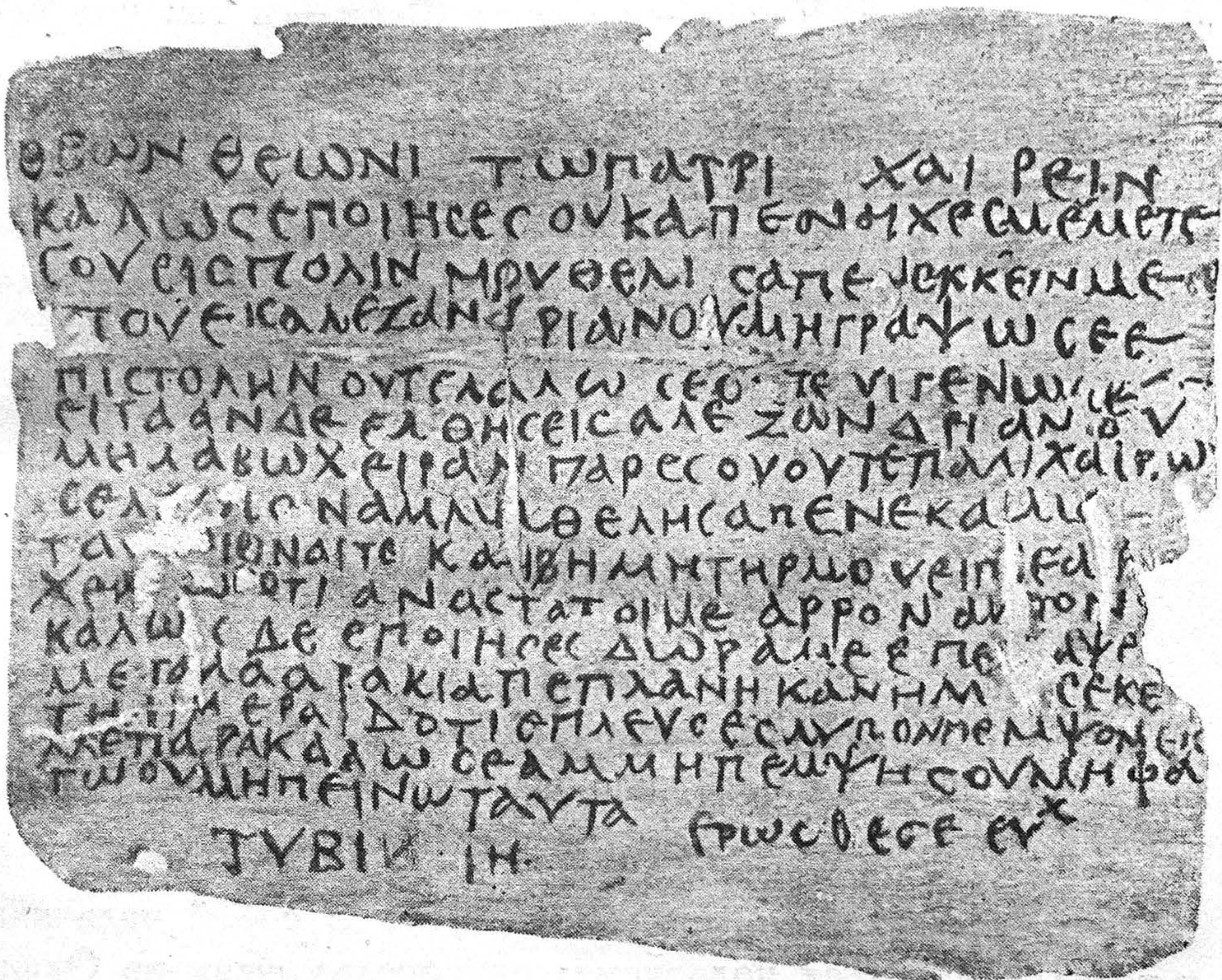
ΟΥΤΕ	ΠΑΛΙ	ΧΑΙΡΩ	ΣΕ	ΛΥΠΟΝ
уте	пали	хайро	се	люпон.
ни, опять же, скажу	„радуйся“	тебе	больше.	

Это сказано неясно, по-детски. Но мальчик, конечно, хочет этим сказать: „Если же ты поедешь без меня в Але-

ксандрию, то я не подам тебе больше никогда руки и больше никогда не скажу тебе: „здравствуй!“ — он грозит отцу, что поссорится с ним на всю жизнь.

Чтобы показать отцу, что он не шутит, он прибавляет к этому еще:

Папирус-письмо Феона.

ΑΜ	ΜΗ	ΘΕΛΗΣ	ΑΠΕΝΕΚΑΙ	ΜΕ
Ам	мэ	телес	апенекай	ме,
Если	не	хочешь	взять	меня,

ΤΑΥΤΑ	ΓΕΙΝΑΙΤΕ
таута	гейнайте!
так оно и	будет!

ΚΑΙ	Β*	Η	ΜΗΤΗΡ	ΜΟΥ	ΕΙΠΕ	ΑΡΧΕΛΑΟΣ
Кай	б*	э	мэтэр	му	эйпе	Архелао,
И			мама	моя	сказала	Архелаю,

* Написано и зачеркнуто самим Феоном.

ΟΤΙ	ΑΝΑΣΤΑΤΟΙ	ΜΕ	ΑΡΡΟΝ	ΑΥΤΟΝ
оти:	„Анастатой	ме!	аррон	аутон!“
что:	„Он сводит с ума	меня!	Убери	его!“

Ловкий мальчишка знает, чем пронять отца. Он намекает, что стал, таким шалуном в деревне, что мать не может с ним справиться. У нее — хвастает Феон — и так уже не хватает терпения, и она вечно жалуется на него Архелаю.

Маленький Феон — хитрый мальчишка: он думает, отец захочет избавить мать от неприятностей и захватит мальчика с собой в Александрию. Из письма ясно, что мальчик не боялся родителей: наоборот, он привык, чтобы родители его боялись. Это еще яснее видно из дальнейшего:

ΚΑΛΩΣ	ΔΕ	ΕΠΟΙΗΣΕΣ	
Калос	де	эпойэсес:	
<i>Хорошо</i>	<i>же</i>	<i>ты сделал:</i>	

ΔΩΡΑ	ΜΕ	ΕΠΕΜΨΕΣ	ΜΕΓΑΛΑ
дора	ме	эпемпсес	мегала:
<i>подарки</i>	<i>мне</i>	<i>прислал</i>	<i>большие:</i>

ΑΡΑΚΙΑ
аракиа!
<i>стручки!</i>

Отец, должно быть, не хотел брать с собой мальчика и хотел откупиться подарками: он прислал сыну из Оксиринха лакомства. Но от Феона трудно было откупиться какими-то стручками.

Дальше еще интереснее:

ΠΕΠΛΑΝΗΚΑΝ	ΗΜΑΣ	ΕΚΕΙΝΗ	ΤΗ	ΗΜΕΡΑ	ΙΒ
Пепланекан	эмас	экейнэ	тэ	емера	12
<i>Надули</i>	<i>нас</i>	<i>в тот</i>		<i>день</i>	<i>12</i>
					(число)

ΟΤΙ	ΕΠΛΕΥΣΕΣ
оти	эплеусес
<i>когда</i>	<i>ты уплыл.</i>

Из слов „уплыл“ ясно, что деревня, в которой жил маленький Феон, также лежала на Ниле. Отец, как видно, не

решился открыто отказать упрямому ребенку, опасаясь скандала. А братъ его с собою в Александрию он тоже не хотел. Отцу пришлось уплыть потихоньку, так, чтобы сын не заметил.

Но самую страшную угрозу маленький Феон прибегает к концу письма, — он угрожает голодовкой. Такая угроза, по мнению Феона, должна сломить упорство отца. Мальчик пишет:

ΛΥΠΟΝ	ΠΕΜΨΟΝ	ΕΙΣ	ΜΕ
Люпон,	пемпсон	эйс	ме,
Одним словом,	пришли	за	мною,
	ΠΑΡΑΚΑΛΩ	ΣΕ	
	паракало	се!	
	умоляю	тебя!	
ΑΜ	ΜΗ	ΠΕΜΨΗΣ	
Ам	ме	пемпсес	
Если	не	пришлешь,	
ΟΥ	ΜΗ	ΦΑΓΩ	ΟΥ
у	мэ	фаго	у
не		буду есть, не	
		ΜΗ	ΠΕΙΝΩ
		мэ	пейно.
			буду пить.
		ΤΑΥΤΑ	
		Таута!	
		Вот что!	

Кончается письмо так, как это было принято в греческих письмах:

ΕΡΟΣΘΕ	ΣΕ	ΕΥ ^χ
Эросте	се	эу ^х
Здравствовать	тебе	жел.

Мальчик пишет эти слова совсем так, как писали тогда большие — с сокращением ΕΥ^χ вм. ΕΥΧΟΜΑΙ („эухомай“), т. е. „жел.“ вместо „желаю“.

Теперь попытаемся догадаться, когда написано письмо.

В папирусе внизу слева написано: ΤΥΒΙ ΙΗ. „ТибИ“ — это египетский месяц. А что такое ΙΗ?

В то время в Египте числа обозначались буквами: А—1, В—2, Г—3, Д—4, Е—5, З—6, З—7, Н—8, Θ—9, Ι—10. Стало быть, ΙΗ—это $10 + 8 = 18$. Значит, письмо написано 18 Тиби.

В египетском году было так же, как и в нашем, 365 дней, но високосных годов египтяне в древнейшее время не придумали. Поэтому каждые четыре года их календарь ошибался на один день. За 120 лет календарь ошибался уже на месяц (например, февраль приходился на март), а через 730 лет ошибка была на полгода, так что летние месяцы приходились на зиму и наоборот. Но уже приблизительно лет за сто-двести до того, как было написано наше письмо, в Египте были введены, как у нас, високосные годы. В это время месяц Тиби продолжался с 27 декабря по 25 января. Отец мальчика уехал 12 Тиби—это, стало быть, то же, что 7 января. Сын послал ему письмо 18 Тиби, т. е. 13 января.

В котором же году оно написано?

Мальчик записал месяц и не поставил года. Попробуем сами определить время написания письма.

Известно, что греки в разное время писали буквы не совсем одинаково.

На верхнем рисунке изображен папирус, написанный до начала нашей эры. Сравним его с нашим письмом. Разница очень большая.

В письме Феона шрифт округлый, на рисунке он угловатый. Вдобавок, на древнем папирусе буква „О“ очень маленькая, меньше других букв; в письме Феона она такая же, как прочие буквы.

Ясно, Феон не мог писать до начала нашей эры.

Не мог он также писать в позднюю христианскую эпоху, в IV-V веках. В письмах того времени обычно ставился крест (+), и призывалось благословение христианского бога. Да и вообще буквы в эту эпоху писались совсем по-другому (см. нижний рисунок).

Но если мы взглянем на папирус, написанный во II веке нашей эры (средний рисунок), то увидим, что он похож

на наше письмо. К тому же в той куче, в которой было найдено наше письмо, все папирусы написаны во II и III веках нашей эры; это видно из документов, в которых показан год. Значит, наш папирус написан около 1700 лет тому назад. Неудивительно, что он весь в дырах.

Итак, я узнал из письма, что его писал мальчик, очень шаловливый, но зато способный и вполне уже грамотный. Я перевел письмо точно, исправил при переводе только грамматические ошибки; их двадцать штук, но это не так уж много, — в то время в Египте взрослые нередко писали много хуже по-гречески! Очевидно, школьное обучение пошло мальчику впрок.

Я узнал, о чем он думал, когда писал этот папирус. Он мечтал о поездке в Александрию. Он со злостью думал об отце, который обманул его и лишил такого редкого удовольствия. Я узнал также, в какую эпоху и где жил Феон. После этого я решился написать письмо Найту.

Я написал:

„Уважаемый профессор Найт! Сердечно благодарю Вас за ценный подарок. Много часов потратил я, прежде чем разобрался в этом папирусе.

Зато, когда я разобрал его, передо мной раскрылась целая неведомая страна.

Я мысленно перенесся за 1700 лет назад...

II ФЕОН ПОКАЗЫВАЕТ СВОЙ ХАРАКТЕР

Утро. Стоит месяц Тиби, середина зимы. Жарко, как у нас в июне. По пыльной дороге тянется длинная вереница ослов и верблюдов. Щелкая бичами, идут египетские крестьяне, высокие, с бритыми лицами, бритой головой и мозолистыми руками. Они совсем голые, если не считать коротких передников на бедрах. Их худые, коричневые тела покрыты пылью.

Ослы и верблюды нагружены мешками с зерном. Крестьяне везут хлебный налог в императорскую казну. Позади важно шагает светлолицый, белокурый грек. Стоит только взглянуть на его высокомерное лицо, чтобы понять, что это — хозяин страны, императорский чиновник. Он следит за сбором и сдачей налога.

По обеим сторонам улицы унылые ряды низеньких кирпичных лачуг. Окон нет. Свет входит через раскрытую дверь. Внутри видны: грубо-сколоченный стул, опрокинутые ящики вместо столов, глиняные горшки. Здесь живут египетские крестьяне.

В конце улицы — большой безобразный кирпичный дом в два этажа, с кровлей из потрескавшейся черепицы. Это — синэкий *. Хозяйка синэкия сдает углы тем несчастным, у которых нет даже собственной лачужки. Синэкий битком

---

* Синэкий — дом с комнатами, сдаваемыми внаймы.

набит бедняками. За угол для сна они отдают значительную часть своего грошового заработка жадной хозяйке синэкия, которую они боятся, как огня.

А в стороне, среди искусственных прудов и фонтанов, стоит двухэтажный дом с черепичной крышей.

Вокруг дома — финиковые пальмы и сикоморы ⁷ в цвету. В этом доме живет грек, богатый хлеботорговец.

Из дома выбегает маленький Феон. Быстрыми шагами идет он по узкой тропинке и выходит на улицу. Он спешит.

За Феоном следует красивый юноша лет двадцати пяти

Вокруг дома финиковые пальмы и сикоморы...

в недорогом, но опрятном плаще, живописно наброшенном на плечо.

Он не отстает от Феона, и через несколько минут они подбегают к неопрятному унылому дому.

Это — дом учителя.

Глухая стена и знакомая желтая калитка. Раб-фригиец ⁸ молча открывает дверь. Феон подымается на крытую веранду с белыми колоннами.

— Радуйся, Ламприск, — говорит он учителю. (Это то же, что наше „здравствуйте!“) Но учитель не обращает на него внимания. Он занят с малышами.

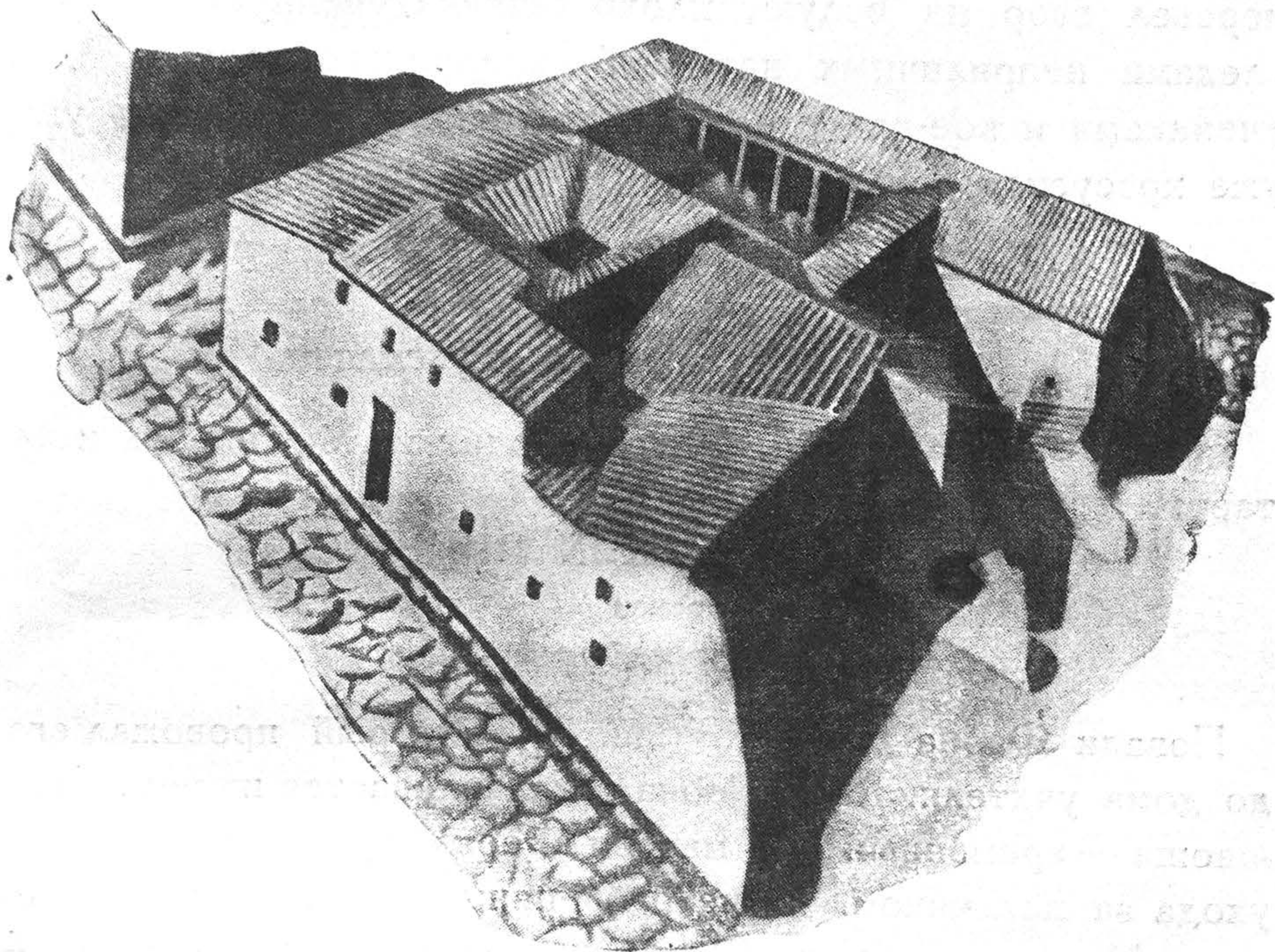
Они держат на коленях деревянные дощечки, намазанные воском, и выцарапывают по ним заостренной палочкой:

ТО ТΥ ΤΩ ΦΑ ΦΕ ΦΗ ΦΙ ΦΟ ΦΥ ΦΩ ΧΑ ΧΕ ΧΗ ΧΙ
ΧΟ ΧΥ ΧΩ.

Это — греческие склады.

Другие мальчики заняты более трудными упражнениями. Учитель велел им подобрать собственные имена, начинающиеся на все буквы алфавита, по порядку, и они пишут:

Это дом учителя.

ΑΧΙΛΛΕΥΣ ΒΙΩΝ ΓΑΙΟΣ ΔΙΩΝ ΕΡΩΣ

Ахилл, Бион, Гай, Дион, Эрот...

Голубоглазый, курносый малыш, сидящий против Феона, задумался. Он сосредоточенно вперил глаза в своих товарищей, стараясь найти кого-нибудь, чье имя начиналось бы на К, но таких случайно нет. Наконец, его осеняет гениальная мысль, и он решительно выцарапывает на воске:

ΚΡΟΚΟΔΕΙΛΟΣ

Крокодил...

Феон скучает. Он обводит взором знакомое школьное помещение, высокие облупившиеся колонны, кончающиеся наверху причудливыми листьями, длинные скучные скамьи, статую богини Клио, покровительницы наук, и несколько других статуй поменьше; в углу — желтый исцарапанный шкаф, в котором учитель хранит папирусные свитки. Потом Феон перевел взор на белую, плохо оштукатуренную стену со следами неприличных надписей, сделанных проказливыми учениками и кое-как стертыми по приказу учителя. В углу уже красуется новая надпись:

ΑΝΑΓΙΓΝΩΣΚΕ ΑΝΩΤΑΤΩ ΠΡΟΣ ΤΑ ΔΕΞΙΑ

Анагигноске анотато прос та дексиа

Прочти на самом верху справа

Феон заинтересован. Он переводит взгляд наверх и читает:

Ο ΑΝΑΓΙΓΝΩΣΚΩΝ ΠΙΘΗΚΟΣ

О анагигноскон питэкос

Кто прочтет, тот обезьяна

Позади Феона стоит тот юноша, который провожал его до дома учителя. Взор Феона останавливается на нем. Этот юноша — временный раб матери Феона, приставленный для ухода за мальчиком. Такие рабы-няньки назывались педагогами. Многие товарищи Феона — дети богатых родителей — имели таких педагогов, но Феон недаром гордится своим Аполлонием: ни одеждой, ни походкой, ни манерой держать себя он ничем не напоминает раба-педагога, а что касается учености, то он заткнет за пояс любого грамотея в Оксиринхе. Один Архелай, дядя Феона, пожалуй, не уступит ему.

И Феон вспоминает, при каких удивительных обстоятельствах попал к ним в дом Аполлоний. За две недели до этого умерла в Оксиринхе старая одинокая тетка Феона, Филинна, оставив в наследство своей сестре, матери Феона, все свое имущество. Мать вместе с Архелаем уехала в город и через три дня вернулась, привезя с собой целый воз

различного скарба. За возом шли пять грязных, старых рабов — трое мужчин и две женщины. Все эти рабы теперь принадлежали матери Феона. Но удивительнее всего было то, что вместе с ними пришел молодой, красивый грек, высокий и стройный, с черными кудрявыми волосами, черными глазами и смуглым лицом. Феон долго расспрашивал мать об этом греке и никак не мог понять, кто же он в конце концов — раб или свободный человек. Наконец, мать, чтобы отделаться от надоедавшего ей мальчика, развернула перед ним папирусный свиток, и мальчик прочел следующее:

„В год 7 императора цезаря Траяна Адриана⁹ Августа в городе Оксиринхе в добрый час! Следующее завещание сделала, находясь в здравом уме и твердой памяти, Филинна, дочь Гераклида, от матери Дионисии, из города Оксиринха, в присутствии своего опекуна и двоюродного брата Неона, сына Неона, от матери Дидимы.

Если меня постигнет общий удел всех смертных*, я оставляю своей сестре Герофиле, дочери Гераклида, из города Оксиринха, жене Феона, все свое имущество: дом с садом при нем, домашнюю утварь, посуду золотую, серебряную и глиняную, вклад в 2 таланта¹⁰ в банке Мнасона в Оксиринхе, равно как и принадлежащих мне рабов: женского пола — Парфению и Мирину, мужского — Коккала,

Школа (карикатура). Учитель-осел обучает поросят.

* Т. е. „если я умру“.

Сира и Евтиха и, согласно договору, заключенному у нотариуса, оставляю бывшего до сих пор свободным поселенцем города Оксиринха временного раба Аполлония, который по-еврейски¹¹ именуется также Ионафаном и должен мне 100 драхм¹² серебром, а больше никому ничего.“

Аполлоний был в тот же день приставлен педагогом к Феону. Его не поселили в большом грязном бараке, где

Такие рабы-няньки назывались педагогами.

жили рабы, а отвели ему отдельную маленькую спальню на чердаке под крышей. Есть ему также давали не рабскую пищу, а почти то же, что ели господа. Феон никак не мог понять, как человек мог попасть в рабство из-за такой ничтожной суммы, как 100 драхм. Он сразу же сообразил, что Аполлонию, наверное, придется недолго у них оставаться служить, чтобы отработать свой долг. Феон прямо спросил у Аполлония, сколько он у них пробудет.

— Если бы я жил и ел с рабами, то я довольно скоро отработал бы все эти деньги. Но я не привык жить и питаться, как рабы. А теперь твои родители, боюсь, посчитают мне за стол и квартиру столько, что почти ничего не останется на покрытие долга.

Правда, с разрешения твоей мамы, я обучаю твоего товарища Герона Лурия. Но из того, что платит его отец, две трети идут твоей маме и только треть — мне. Боюсь, что пройдет еще немало времени, пока меня отпустят на волю.

Собственное имущество Аполлония состояло, кроме одежды, из нескольких папирусных свитков. Как только он уры-

вал свободную минуту, он сейчас же забирался в свою каморку и садился за чтение.

Все это вспомнилось Феону, пока он сидел без дела и ожидал окончания урока с маленькими. Он чуть не заснул под монотонный напев детских голосов, но вдруг его заинтересовало новое зрелище. Неожиданно на веранду вбежала изможденная, оборванная женщина. Ей было не больше тридцати пяти лет, но она выглядела совсем старухой. Она вела за руку своего грязного маленького сына. Это был сорванец Коттал, известный всем детям деревни своими проделками.

Феону пришлось уже иметь с ним дело. Однажды Феон проходил мимо синаки. Толпа грязных, худых мальчиков, игравших в бабки и в финиковые косточки перед входом в дом, неохотно расступилась, чтобы дать проход Феону. В это время кто-то с крыши бросил в него финиковой косточкой и попал ему в лоб. Он взглянул наверх. На черепичной крыше синаки сидел Коттал, поджав под себя ноги. Обычно в Египте на крышах сидят только ручные обезьянки. Коттал так походил на обезьянку, что Феон не удержался, чтобы не крикнуть ему то, что дети кричат обезьянам:

Осел из обезьян! Мартышка из ослов!

Коттал рассердился, бросил в Феона мком и засыпал ему глаза. Феон бросил в Коттала обломком кирпича, но промахнулся и разбил черепицу на крыше. А через несколько дней мать Коттала Метротима пришла в дом к Феону.

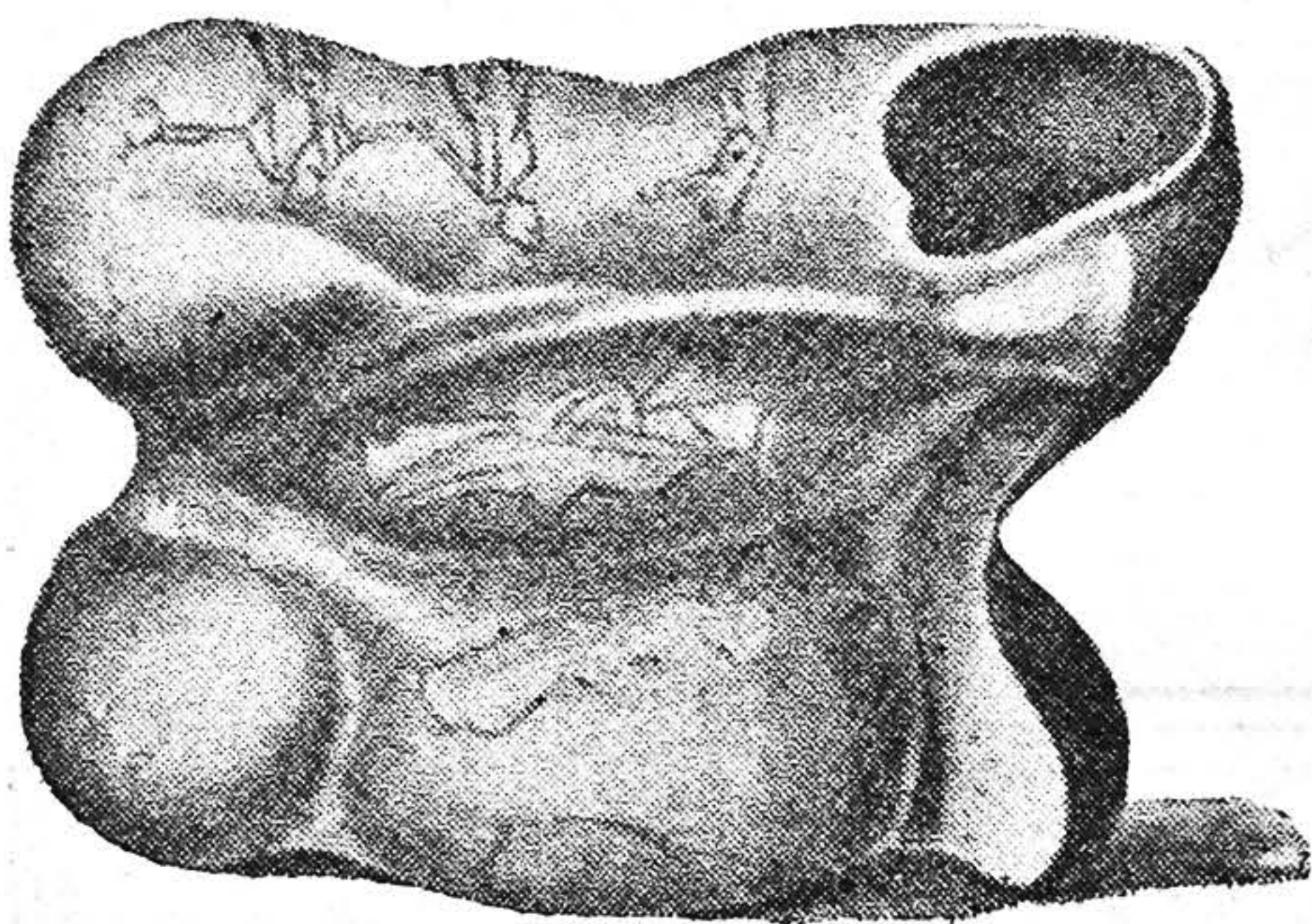
Аполлоний забирался в свою каморку и садился за чтение...

— Ах, горе мне, горе! Целые дни проклятый мальчишка на крыше, — черепицы ломаются! А наступит холодное время и придется — плачь-не-плачь — платить хозяину по полтора обола¹³ за черепицу. Никак не отвертишься, — все жильцы кричат в один голос: „Это все Коттал, Метротимин щенок!“ — И ведь правда, — ничего не скажешь! А еще и за вашего Феона платить мне уж совсем не под-силу!

Мать прочла Феону длинную нотацию, а Метротиме дали драхму, хотя Феон разбил всего на полтора обола.

Метротима, мать Коттала, стала громко причитать: — Чтоб ты так жив был, Ламприск, чтоб ты так счастлив был, чтоб тебя так Музы¹⁴ любили, выдери мне сегодня этого маль-

Бабка.

чишку, — так выдери, чтобы у него душа на кончике губ висела!

— Что же он сделал? — спросил учитель.

— Что он сделал!? Да он разорил меня своей игрой в медянку¹⁵! Ему мало уже в бабки играть: он стал настоящим босяком! Он наверное уже забыл, где живет его учитель —

а ты-то, Ламприск, не забыл о нем, и каждый месяц, хочешь-не-хочешь, приходится платить за его учение! Зато он хорошо знает, где постоянный двор, куда сходится всякое босячье и беглые рабы для игры в медянку! Хоть бы раз он написал что-нибудь на своей вощенной дощечке, — она все время валяется у стены. А дашь ему дощечку в руки, — он живо соскребет воск и наделает из него фигурок — зайчиков да мышек! А я-то трачу последние гроши — думаю, научится читать-писать, будет нас, стариков, в старости поддерживать. Как бы не так! Да он Б и А сложить не умеет. Недавно старик-отец дал ему прочесть свое имя „Бубал“, а он возьми да прочти „Бублик.“ А как начнет он говорить стихи, так хоть уши затыкай, словно через сито:

„О-хот-ник... А-пол-лон ¹⁶. Да так не только я скажу стихи, но и последний фригийский раб! Одно он хорошо выучил — праздничные дни, когда не нужно ходить в класс! Ой, чтоб ты так жив был, чтоб тебя Музы так любили — задай же ему!

Не успела Метротима кончить, как учитель схватил мальчишку и стал его трясти за плечи:

— Вот как! Тебе уже бабок мало! Тебе уже понадобилась медянка! Ну, погоди, — ты у меня станешь тише красной девушки! Ты у меня и мухи не обидишь! Эй, Евтий, Филл! Берите его на плечи! Несите мой бычий хвост, которым я мечу негодяев! Я сделаю его спину пестрее выдры.

Два ученика подбегают к мальчику и срывают с него одежду. Один из них взваливает его к себе на спину, другой держит за ноги. В воздухе раздается резкий свист.

.....

Порка кончена. Учитель разворачивает длинный свиток и начинает монотонно диктовать:

ΥΙΟΣ ΤΟΝ ΙΔΙΟΝ ΠΑΤΕΡΑ ΦΟΝΕΥΣΑΣ

юйос тон идион патэра фонэусас

Сын, собственного отца убив

ΚΑΙ ΤΟΥΣ ΝΟΜΟΥΣ ΦΟΒΗΘΕΙΣ

кай тус номус фобэтэйс,

и законов убоясь,

ΕΦΥΓΕΝ ΕΙΣ ΕΡΗΜΙΑΝ

эфюген эйс эрэмиан

убежал в пустыню...

Ученики опускают перья в чернильницы и записывают на воощенных дощечках. Их перья мало похожи на наши, — это просто заостренные и расщепленные концы тростника.

Они пишут, низко склонившись, — столов нет, и детям приходится держать дощечки на коленях.

„ . . . И, проходя через горы, преследовался львом. И, преследуемый львом, взлез на дерево. И, найдя змею взлезши

на дерево и боясь подняться из-за змеи, снова слез и был съеден львом. Проступки юношей не скроются от бога. Дурных карает беспощадно божество“.

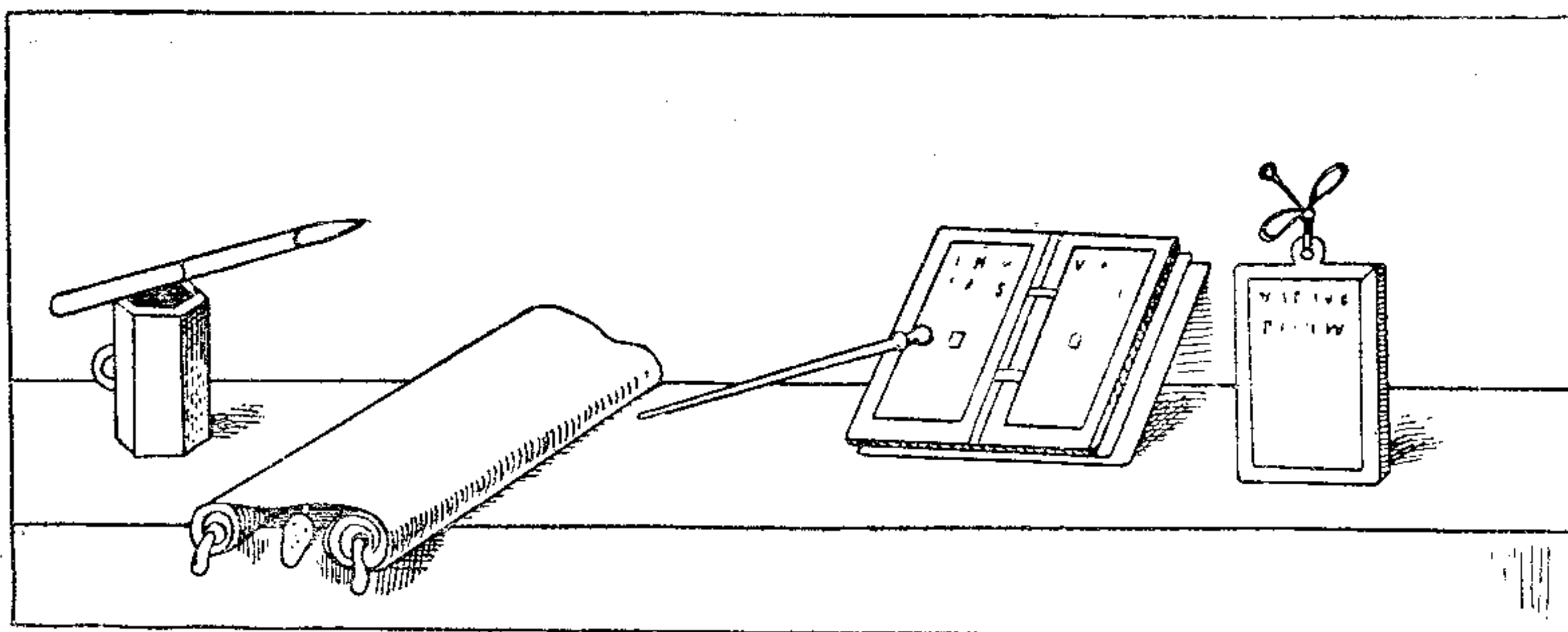
Диктовка кончается словами:

ΦΙΛΟΠΟΝΕΙ Ω ΠΑΙ ΜΗ ΔΑΡΗΣ
ΦΙΛΟΠΟΝΕΙ Ω ΠΑΙ ΜΗ ΔΑΡΗΣ
ΦΙΛΟΠΟΝΕΙ Ω ΠΑΙ ΜΗ ΔΑΡΗΣ

Филопоней о пай мэ дарэс

„Будь прилежен, о мальчик, чтобы тебя не выдрали.“
(3 раза).

По окончании диктовки учитель обошел всех учеников и проверил написанное на дощечке у каждого. В конце урока

Письменные принадлежности.

ученикам предстоит еще большая работа. Им придется еще раз правильно переписать рассказ. После каждой фразы они должны будут вставить:

„Будь прилежен, чтобы тебя не выдрали“.

Голос учителя делается торжественным. Сейчас, дети, говорит он, мы будем читать великого Гомера. Ламприск идет к шкафу и вынимает свиток, завязанный красивой полотняной ленточкой. Это — „Илиада“, великая поэма о войне греков с троянцами. Феон с восторгом смотрит на свиток в руке учителя: дома дядя Архелай уже читал ему Гомера и много о нем рассказывал.

Учитель диктует:

ΘΕΟΣ ΟΥΔ ΑΝΘΡΩΠΟΣ ΟΜΗΡΟΣ

Теос уд антропос Омэрос

Бог, а не человек Гомер.

Затем он благоговейно целует свиток, развязывает завязки, разворачивает папирус и начинает читать громко и торжественно:

*Гнев, богиня, воспой, Ахилéя Пéлейиáда,
Пагубный, иже ахеянам страд положил легионы.
Многие души дебелые славных героев низринул
В мрачный Аид и самих распростер их в корысть
плотоядным
Псам и пернатым всем: свершалася воля Зевеса.*

Эти стихи ребята должны заучить наизусть. Многие слова им непонятны: ведь „Илиада“ написана за 1000 лет до Феона, и язык за это время изменился! Ламприск диктует объяснение всех непонятных слов:

„Ахилея — Ахилла; Пелейиáда — сына Пелея; пагубный — приносящий гибель; иже — который; ахеянам — грекам; страд — страданий; положил — причинил; легионы — очень много; дебелые — сильные; героев — людей-полубогов; низринул — сбросил; Аид — ад, подземное царство; самих — их тела; распростер — сделал, в корысть — добычей...“

После этого Ламприск приступил к объяснениям. Он рассказал детям о том, что было до начала „Илиады“: про свадьбу Пелея и про яблоко, которое бросила Эрида, богиня Ссоры, чтобы посеять на пире вражду — это яблоко должна была получить красивейшая из богинь; рассказал, как Афродита¹⁷ прельстила Париса¹⁸ обещанием дать ему в жены красивейшую из женщин, если он присудит ей яблоко.

Рассказал он, как Парис похитил спартанскую царицу Елену у ее молодого и прекрасного мужа Менелая, и как греки отправились в поход против Трои, чтобы отомстить Парису и вернуть Елену мужу. Однако, грекам никак не удавалось

отплыть в море: вождь греков царь Агамемнон нечаянно убил лань в священном лесу Артемиды¹⁹, и за это боги не хотели даровать им попутного ветра. Был один только способ умиловать богов: принести в жертву богам дочь Агамемнона, прекрасную царевну Ифигению. Агамемнон решился на это, но Артемида подняла Ифигению на воздух и унесла ее с костра в холодную Тавриду, в Крым, где она стала жрицей этой богини. После этого флот отплыл к Трое, и вот уже десять лет стоят греки под Троей, но взять ее не могут...

Все это было так интересно, так увлекательно, что у детей захватило дыхание. Но дальше шла самая скучная часть урока — нравственное толкование. Подойдя к Аполлонарису, маленькому богомольному египтянину, своему лучшему ученику, учитель спросил:

— Как ты думаешь, Аполлонарис, боги желают людям добра или зла?

— Конечно, добра.

— А Гомер не так ли думал?

— Как же иначе?

— Тогда почему же Гомер говорит, что волей Зевса было бросить тела славных героев-полубогов на растерзание хищным животным? Разве так надо было с ними поступать?

Богомольный мальчик не знает сразу, что ответить. Наконец, он закатывает глаза к небу и говорит:

— На то воля божья!

Но Ламприск недоволен ответом. Он объясняет детям, что герои были людьми дебелими, т. е. сильными, а значит — насильниками, предающимися гневу, у которых сила и ярость были выше разума. Зевс хорошо и справедливо поступил, предав насильников позорной смерти.

После такого объяснения Ламприск глубокомысленно ухмыльнулся и сказал:

— А что вы скажете про богиню Эриду? Богиню Ссоры, которая только и думает о том, чтобы поссорить людей между собой? Дело ли это для богини? Или про Афродиту,

которая подкупом склоняет Париса вынести несправедливое решение, а затем помогает Парису похитить жену у ее мужа?

Ученики молчат. Маленький Аполлонарис даже побледнел, — он возмущен словами учителя. Но Ламприск угадывает его мысли:

— Знаю, что ты думаешь: на то воля божья, не людское это дело... Нет, не может быть воли божьей на то, чтобы ссорить людей, учить их выносить несправедливые приговоры, похищать жен у мужей.

Коль бог позорное творит, то он не бог!

Так сказал великий поэт Еврипид.

Ламприск замолкает, наслаждаясь произведенным впечатлением. Ученики поражены безбожными словами учителя и с нетерпением ждут, что́ будет дальше.

— Вспомните же, что я вам сказал вначале:

ΘΕΟΣ	ΟΥΔ	ΑΝΘΡΩΠΟΣ	ΟΜΗΡΟΣ
Бог,	а	не	человек
			Гомер.

Гомер не мог написать безбожных вещей, а дело в том, дети мои, что никакой богини Ссоры нет и быть не может. Богиня же Афродита — богиня высокой чистой любви и она не учит людей дурным делам. Запомните же раз навсегда, если вас когда-нибудь будут смущать такими коварными вопросами: многие, очень многие места у Гомера надо понимать иносказательно, а не прямо. Разве Гомер говорит о пире на свадьбе у Фетиды? Не о пире на свадьбе говорит Гомер. Он говорит о том, как низкие чувства побеждают душу человека. Парис — это наша душа, а Афродита — это соблазны жизни.

Феон глубоко огорчен и разочарован. Он так горячо полюбил этих сильных, могучих героев — Ахилла, Эанта, Гектора. А оказывается, что они были злыми насильниками, которых надо было только беспощадно истребить. А потом — ни пира у Фетиды, ни похищения Елены — всех этих, таких красивых и таких интересных событий — вовсе не было, а все

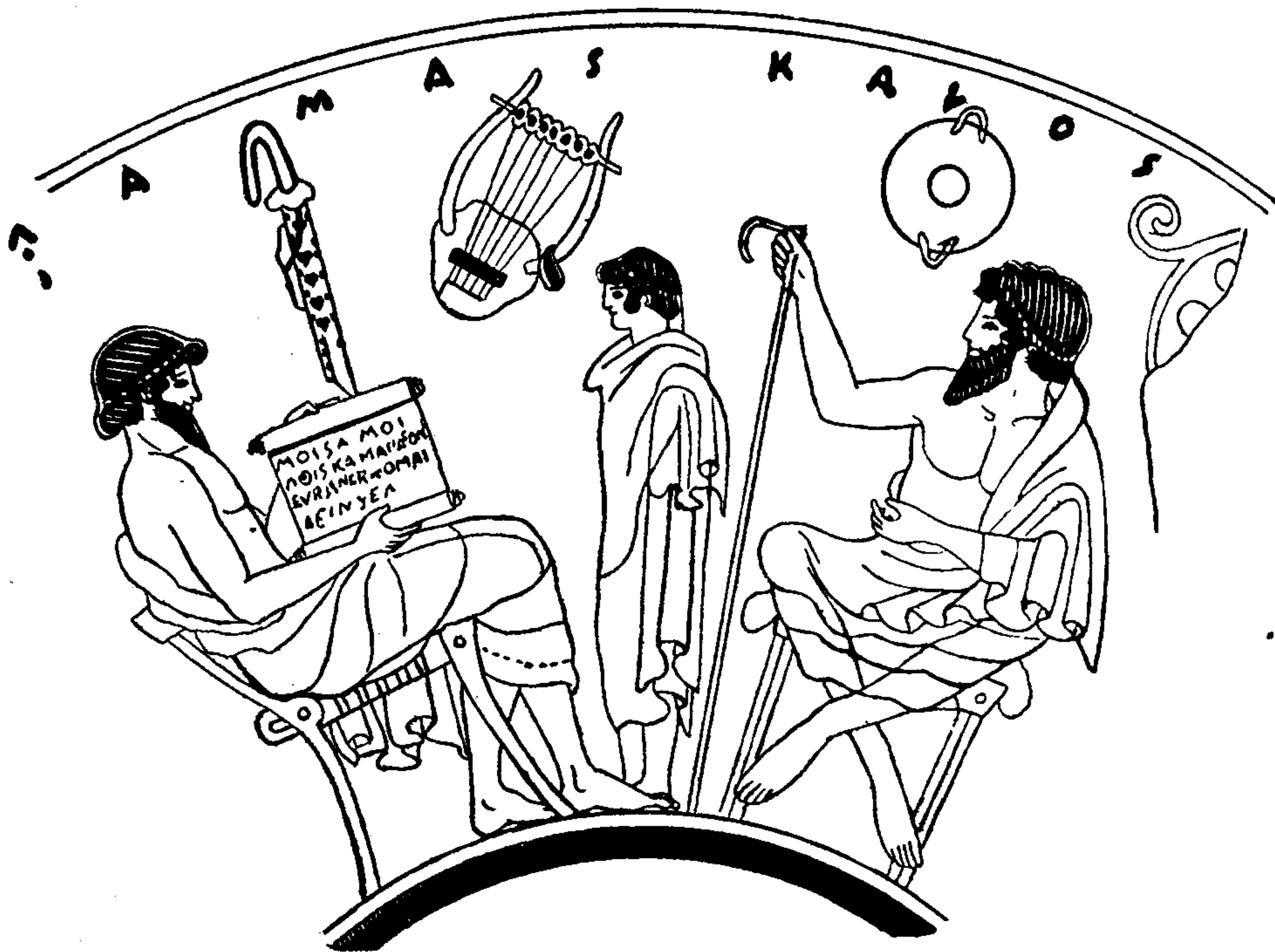

дело в том, что где-то в животе человека, в душе его, борются какие-то скучные страсти. Какая тоска!

И вспомнив, какой умный и ученый человек Аполлоний, Феон повернулся к нему, ища у него поддержки.

И тут он увидел, что Аполлоний тихо смеялся, презрительно сощутив глаза...

Затем Ламприск разделил детей на две группы. В одну попали те, которых родители не готовили для службы чи-

Урок Гомера в греческой школе.

новниками в государственных учреждениях. Этих детей Ламприск учил грамматике. В другую он отделил тех, которые хотели поступить на государственную службу. Их он учил писать каллиграфическим ²⁰ почерком прошения в различные учреждения, а также стенографии. Сам Ламприск был в одно и то же время и учителем, и нотариусом и знал это дело в совершенстве. В эту группу входили, главным образом, бедные, нуждающиеся дети, которые хотели немедленно по окончании школы превратить свою науку в хлеб насущный.

Однако в этой же группе учился и Марк Лонгин, сын римского гражданина Гая Лонгина Кастора, самого богатого и могущественного жителя деревни, перед которым трепетали люди и поважнее Ламприска. Практичный римлянин не желал, чтобы его сын тратил время на такое пустое дело, как грамматика: он готовил мальчика к занятию высших должностей в Египте и хотел, чтобы он знал в совершенстве канцелярское дело. Эта группа занималась теперь одна, без помощи учителя.

В грамматической группе начали со склонений. Ламприск вызвал мальчика Герона Лурия, и он без запинки одним духом произнес такую галиматью:

— *Именительный — сказал, родительный — слышу речь, дательный — нравится говорить, винительный — видят говорящего, звательный — ты сказал когда-то...*

Эти непонятные слова не бессмысленны — это то же, что наши: „кто? что? кого? чего? кому? чему?“

— Ну, Феон, сказал Ламприск, склоняй мне теперь „философ Пифагор²¹ — воздерживаться от мясной пищи“.

Феон поднялся и стал отвечать:

— *Именительный — сказал философ Пифагор воздерживаться от мясной пищи.*

Родительный — слышу речь философа Пифагора, сказавшего воздерживаться от мясной пищи.

— Хорошо, прервал Ламприск. Теперь — множественное число.

Феон продолжает:

— *Именительный — сказали философы Пифагоры воздерживаться от мясной пищи.*

Родительный — слышу речи философов Пифагоров, сказавших...

Феон не был воспитан, как большинство его сверстников, в страхе и безусловном повиновении. Как только он заметил, что получается бессмыслица, он остановился, задумался и спросил:

— А разве было несколько философов Пифагоров?

Ламприск вышел из себя:

— Ах ты, дрянной мальчишка! Твое это дело думать сколько было Пифагоров?! Тебе надо было склонять! Я научу тебя, как спрашивать глупости...

И Ламприск подошел к Феону, чтобы хорошенько огреть его по спине плеткой за неуместный вопрос. Но его остановил душераздирающий крик Аполлонариса, раздавшийся с другого конца веранды...

Аполлонарис был одним из самых бедных учеников

Аполлонарис молится богу Тоту.

в школе. Отец его Иларион работал чернорабочим в Александрии. Другие сезонные рабочие давно вернулись домой, а он все оставался в Александрии и не присылал денег. Мать Аполлонариса Али-та, надрывая здоровье (она была беременная), работала прачкой в богатых

домах, но ее заработка нехватало на прокормление семьи (с ней жила еще ее старуха-мать Берута) и на дорого стоившее обучение Аполлонариса, которого родители хотели непременно вывести в люди. Поэтому и Аполлонарис после занятий просиживал целые вечера в нотариальной конторе Ламприска, переписывая своим замечательным каллиграфическим почерком деловые бумаги. Но он получал за это меньше, чем стоило его обучение.

В школе Аполлонарис учился лучше всех. Это был болезненный мальчик, кроткий и безответный, исключительной доброты. Он никогда не отказывал в помощи товарищам и тратил много времени на занятия с ними. Но он был робок, наивен и с детства напичкан суевериями и набожностью.

Как бы он ни был занят, он не пропускал дня, чтобы не забежать в часовню и не помолиться богу Тоту²² с головой обезьяны-павиана... Этот бог считался покровителем ученых и писцов, и Аполлонарис верил, что он потому хорошо учится, что молится ему ежедневно. Ему завидовали как лучшему ученику и постоянно обижали. Смеялись над его плохой одеждой, над его простолюдинами-родителями, над его египетской национальностью. Он безропотно сносил все обиды и толчки, — только поднимал глаза к небу и говорил: — На то божья воля!

Накануне этого дня Алита получила, наконец, письмо от мужа, которого она уже готова была считать погибшим. Аполлонарис был в то время занят в конторе, а сама она была неграмотная; поэтому она попросила проходившего мимо Феона прочесть ей письмо. В письме было написано:

„Иларион Алите сестре * много-много радоваться и моей госпоже Беруте и дорогому Аполлонарису. Знай, что мы еще и теперь в Александрии. Не беспокойся, что все уже вернулись из Александрии, а я один остаюсь. Прошу и умоляю тебя, позаботься о дорогом мальчике, а как только я получу плату, я пришлю ее всю тебе, а до сих пор я ничего не получал. Если ты с божьей помощью родишь, и если это будет мальчик, то оставь его, если же девочка, выброси. ** Ты просила маленькую Афродисию передать мне: „не забывай меня“. Разве могу я забыть тебя? Умоляю тебя, не беспокойся обо мне, не волнуйся.“

Письмо глубоко взволновало Феона и, видя теперь сына Илариона лежащим в глубоком обмороке на полу, Феон подумал:

„Иларион писал: умоляю тебя, позаботься о дорогом мальчике... Да, позаботились-таки о нем!“

---

* В Египте часто женились на сестрах.

** В древности закон не запрещал выбрасывать новорожденных, и люди, бывшие в тяжелом положении, часто прибегали к этому.

Маленький Паисий из группы Аполлонариса подбежал к Ламприску и рассказал, как было дело.

Марк Лонгин давно уже мечтает отличиться перед своим отцом знаниями и почерком: отец обещал ему подарить коня, если он обгонит своих товарищей. К Марку учитель ходил после школы на-дом, и он перегнал всех учеников, кроме Аполлонариса. Ни по знаниям, ни по чистописанию Марк не мог тягаться с этим сыном бедного египетского поденщика, научившимся всему самоучкой. Марк ненавидел Аполлонариса, завидовал ему и постоянно обижал его. Аполлонарис никто никогда не учил правильно держать стиль (палочку, которой пишут); он научился писать сам и держал стиль концом внутрь, а не вперед, как полагалось. Марк подошел к Аполлонарису и ласковым голосом предложил ему научить его правильно держать стиль. Аполлонарис доверчиво протянул ему руку, — Марк схватил его за большой палец и быстро вывернул его из сустава. При этом он сказал:

— ЕХЕ	КАКОУРГЕ	ГЕОРГЕ
эхе,	какургэ	георгэ
— <i>Получай,</i>	<i>мерзкий</i>	<i>мужик!</i>

Таким образом Марк навсегда избавился от конкурента по чистописанию и стал первым учеником.

Как только это случилось, почти вся вторая группа разбежалась по домам: ученики не хотели, чтобы их выставили свидетелями по этому делу, так как боялись отца Марка...

Но и учитель не решился что-либо сделать Марку, — слишком уже страшен был его могущественный отец.

Среди жуткой тишины, воцарившейся в школе, Аполлонарис внезапно пришел в себя. Все ждали, что вот-вот он скажет свою любимую фразу:

— На то воля божья!

Но этого не случилось. Лежащий на земле мальчик обвел страдальческим взором стоящих вокруг и остановился на

своем обидчике. Ему пришлось убедиться, что преступление Марка осталось безнаказанным: Марк стоял, правда, слегка побледневший, но спокойный и высокомерный, и даже бросил на Аполлонариса презрительный взор.

Тогда Аполлонарис, приподнявшись с земли, закричал:

— Злодеи вы! Вы отбираете у нас хлеб! Все, что мои родители зарабатывают, им приходится отдавать на налоги! Из-за вас бедная мама работает целый день, не разгибая спины, плачет и голодает. Но вам мало этого: вы еще мучаете нас, убиваете нас, издеваетесь над нами! Погодите! Мы еще покажем вам!

Но тут волнение и нестерпимая боль пересилили Аполлонариса, и он снова упал в глубокий обморок.

Марк процедил сквозь зубы:

— Вот каким голосом он заговорил! Самому бы ему этого ни в век не выдумать: он говорит то, что слышал от своих подлых родителей. Придется сказать отцу...

Все молчали, кусая губы. Феон также знал, что надо молчать, — куда ему тягаться с отцом Лонгина! Но он был, как мы уже знаем, плохо воспитанный, избалованный мальчик. Он привык делать, что ему хочется, и не очень считаться с желаниями старших и сильных. И без того в нем все кипело, а последние слова Марка совсем вывели его из себя. Одним прыжком подскочил он к Марку, бросил его на землю и ударил его кулаком в переносицу...

III ФЕОН УЗНАЁТ ВАЖНЫЕ НОВОСТИ

Весть о происшествии в школе немедленно распространилась по деревне, и прежде чем высеченный Феон (к чести Ламприска надо сказать, что высекли его не больно, только для вида) пришел домой, дядя Архелай знал уже обо всем. Он увел мальчика вглубь сада, к круглой беседке, на крыше которой глубокомысленно стоял аист, оглянувшись во все стороны, убедился, что никто его не слышит, и сказал:

— Феон, ты распушенный мальчишка. Я, конечно, понимаю тебя. У меня тоже сжимаются кулаки, когда я вижу, как этот Лонгин Кастор, тупой, жадный только к деньгам и никогда ничего не читавший, едет в пышной колеснице, запряженной двумя белыми конями, по деревенской улице, бросая надменные взоры на проходящих. Эти римляне — только новая, наглая порода варваров*. Неприлично и стыдно, чтобы мы, греки, им подчинялись. Но неужели ты не подумал, как жестоко может Лонгин отомстить твоему отцу, дяде, матери?

Феон угрюмо молчал.

— Но это все бы еще ничего! Но самое скверное то, что ты заступился за египтянина, говорившего дерзкие, бунтовщические слова.

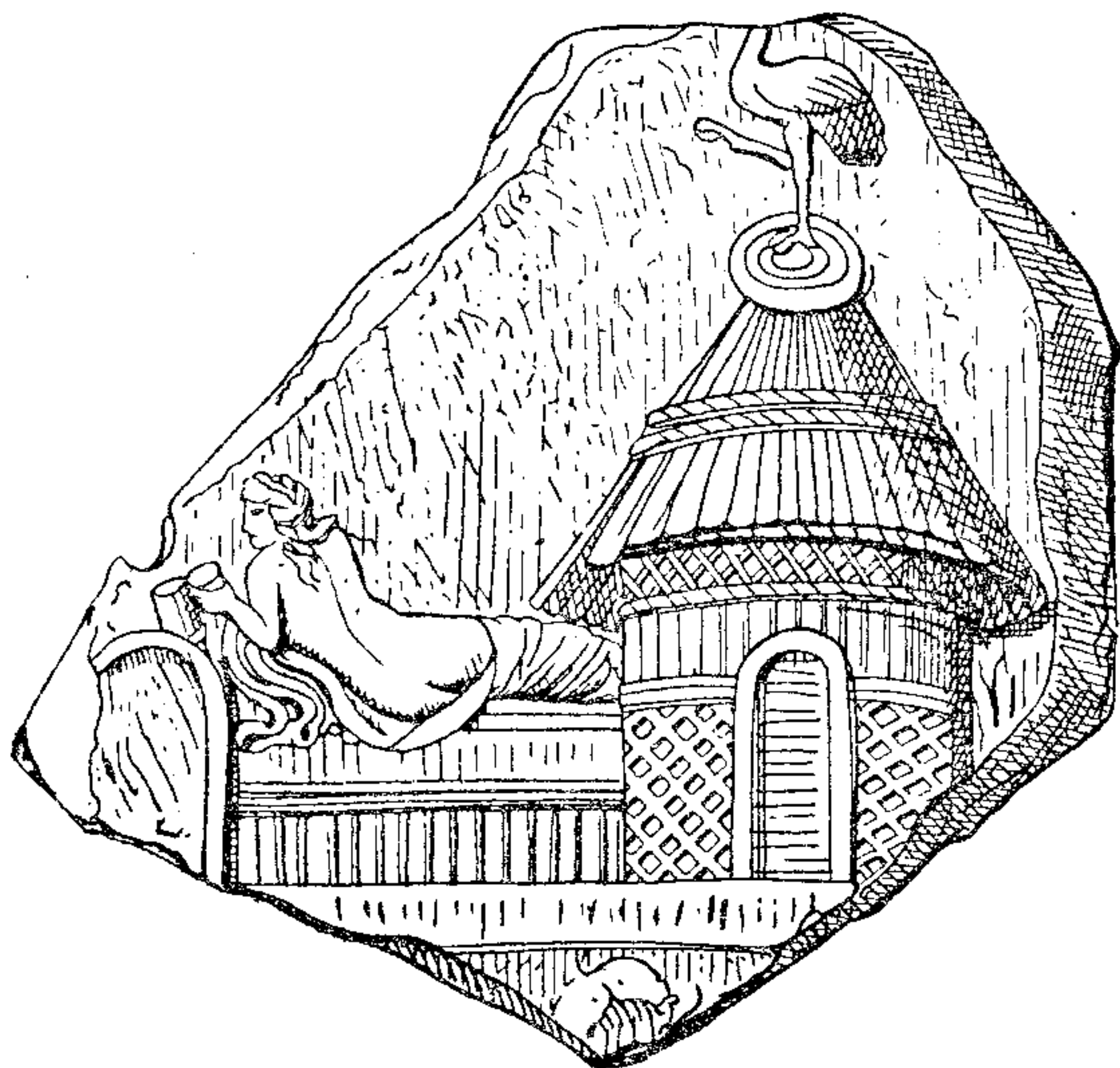
---

* Так называли греки не-греков.

— А почему нельзя заступиться за египтянина, если он — мой товарищ и его несправедливо обидели?

— Ты знаешь, что делается в нашем Оксиринхском номе²⁸? Каждый день может вспыхнуть восстание египтян. Я был на-днях в Оксиринхе — город весь наполнен египтянами. Они бежали из своих деревень, хотя по закону они прикреплены к своей земле и могут отлучаться только на

На крыше беседки глубокомысленно стоял аист...

короткое время с разрешения властей. Все они недовольные, злые, собираются кучками и что-то замышляют. Я думаю, и твой Аполлонарис не стал бы говорить таких наглых слов, если бы он не слышал от своих соплеменников о готовящемся восстании против римлян.

— Ну, а что за беда, если будет восстание? Ведь, ты же также хочешь, чтобы свергли римлян?

— Это было бы, Феон, ужасным несчастьем. Ты думаешь, что египтяне остановились бы на римлянах? И нас, греков, они тоже или изгнали бы или подчинили бы себе, а сами захватили бы власть.

— Но ведь это их земля?

— Ничуть не бывало. Что из того, что они жили здесь раньше нас? Ведь крокодилы, суслики и павианы жили здесь еще раньше египтян. Следует ли отсюда, что надо передать власть, например, сусликам?

— Да, но египтяне, ведь, такие же люди, как мы?

— Они, конечно, в большей мере — люди, чем суслики, но совсем уж не в том смысле люди, как мы. С основания мира боги создали два типа людей: одни только и годны на то, чтобы исполнять тяжелую работу, есть, спать, повиноваться и получать удары. А другие имеют тонкий ум; они созданы для того, чтобы развивать его, управлять, повелевать, сражаться. И души у них разные. Первые — это рабы, варвары, вторые — свободные, греки. Ты слышал что-нибудь о Еврипиде²⁴? Это был лучший поэт Эллады. И ты не думай, что он был за угнетателей или насильников... О, нет! Он всю жизнь боролся с насильниками и любил свободу и равенство не меньше, чем ты. И, тем не менее, он сказал:

„Грек — царь*, а варвар — гнися!“

Ну, скажи, Феон, а вот ты, например... Какого бы устройства ты хотел для Египта?

— Я хотел бы, чтобы выгнали вон римлян, а греки и египтяне жили вместе, не обижая друг друга, как родные братья.

— Ты говоришь, как ребенок. Ты знаешь, что тот хлеб, который мы едим, получается тяжелым трудом египтян. Чтобы заставить египтян заниматься этим трудом, их прикрепили к земле. Кто из них покинет свой участок, тот подвергается наказанию, а затем его возвращают на свой участок. Если уравнивать египтян в правах с греками, то немногие станут обрабатывать свою землю. Не прикажешь же ты грекам самим копать землю! Заниматься тяжелым трудом так же унижительно для свободного человека, как служить

---

* Т. е. царствуй.

другому или быть битым. Это притупляет ум, и нельзя свободных греков заставлять заниматься таким делом.

— Но, ведь, когда-то египтяне были здесь хозяевами?

— Никогда этого не было. Они никогда не были свободным народом. Хозяином был их царь, фараон, а они были его рабами. Трон фараонов по их же законам, по воле их же богов, достался греку Александру, царю Македонскому²⁵. Никто их не поработил, — они только переменили господина и обязаны так же служить новому господину, как раньше служили старому.

— Да, но если так, то и римляне — новые господа вместо старых, и мы обязаны повиноваться и им?

— Ничуть. Греки — свободные люди и не должны повиноваться никому.

— А разве у греков не было царей?

— Нет, до Александра Македонского все греческие государства были независимыми. Наши предки жили в свободных городах. Для решения общих дел все собирались на городскую площадь и большинством голосов принимали законы, судили, выбирали правителей. Если правитель оказывался плох, его прогоняли; если закон оказывался плох, его заменяли другим. И ничего наши предки не ненавидели так, как власть одного царя или власть кучки богатых и знатных людей. Если народ замечал, что какой-нибудь человек начинает приобретать слишком большую власть, то устраивали „остракизм“, особое голосование черепками, и если так угодно было народу, то такого человека изгоняли.

И Архелай рассказал Феону, какого удивительного величия достигла свободная Эллада³⁶, страна его предков. В этой стране жили лучшие скульпторы и художники из всех, которые когда-либо существовали. Здесь жил знаменитый Фидий²⁶, сделавший чудную статую Афины. Эта статуя была из слоновой кости, а одежда — из чистого золота. Чтобы прославить себя, он на подножии статуи вылепил поклонников богини и одного из них изобразил

со своим собственным лицом. Так что, добавил Архелай, ты и теперь можешь поехать в Афины и увидеть, какое было лицо у знаменитого Фидия.

Здесь жил художник Апеллес, нарисовавший однажды занавес так правдоподобно, что пришедший к нему гость сказал: „Отдерни же, наконец, занавес, и покажи, что ты нарисовал!“ В этой же стране жили лучшие поэты трагедий, равных которым нет, не было и не будет. Это Фриних²⁷, Эсхил²⁸, Софокл²⁹, Еврипид. Все они восхваляли свободу, учили ненависти к рабству и к варварам. Персы, бывшие такими же варварами, как египтяне, хотели покорить свободную Элладу³⁶ и уже разрушили великий и свободный город Милет³⁰. Фриних тогда поставил в Афинах трагедию „Падение Милета“, и это была такая трагедия, что все люди залились слезами во время ее представления; на поэта наложили штраф в 1000 драхм за напоминание о несчастьи и запретили кому бы то ни было ставить пьесу на сцене: греки должны не плакать о свободе, а биться за нее с оружием в руках. Затем пришли бесчисленные полчища персов в Грецию. Но это были тысячи тысяч варваров, а греки были свободными, поэтому их нельзя было победить.

При Фермопилах греческий отряд всего в 300 человек решил заградить дорогу ста мириадам* варваров; греки предпочли погибнуть все до одного человека на месте, чем отступить перед грубыми насильниками и открыть им путь в прекрасную Элладу. Когда их полководцу Леониду доложили, что из-за тучи варварских стрел не видно солнца, он ответил:

— Тем лучше, мы будем сражаться в тени!

На могиле этих героев знаменитый греческий поэт Симонид написал такие стихи:

О чужестранец! Поведай спартанцам о нашей кончине:
Верны законам земли, здесь мы костями легли.

---

* Мириада = десять тысяч.

И что же? В конце концов кучка свободных греков победила полчища варваров!

Знаменитый поэт Эсхил описал эту борьбу в своей трагедии „Персы“.

Софокл, другой великий греческий поэт, также прославлял в своих трагедиях свободного эллина, покоряющего не только варваров, но и самую природу:

Много в природе дивных сил,
Но сильнее человека нет.
Он под вьюги мятежный вой
Смело за море держит путь.
Кругом вздымаются волны,
Но смело по ним челнок плывет...
И беззаботные стаи птиц,
И породы зверей лесных,
И подводное племя рыб
Власти он подчинял своей...
И гордый лев пустыни дикой
Силе его покорился....

Много еще рассказывал Архелай Феону о былом величии греков и кончил словами:

— Быть может, придет и наше время. Быть может, мы уже скоро сбросим с себя римское ярмо. Но восстание египтян — это несчастье. Они могут уничтожить и нас вместе с римлянами. И если нам удастся изгнать из Египта римлян, то первым делом нам придется заняться укрощением и подчинением варваров-египтян.

— А разве были уже восстания греков против римского господства? — спросил Феон.

— Еще бы, — александрийцы восставали не раз, но до сих пор без успеха. При императоре Клавдии³¹ были замучены в Риме жестоким императором вожди александрийцев Исидор и Лампон³², при императоре Траяне шестьдесят александрийцев и их рабы были посажены в тюрьму за мятеж, но народ разбил тюрьму и выпустил их на волю. В начале царствования нынешнего императора вожди александрийцев Павел и Антонин³³ погибли мученической

смертью в Риме, но затем снова вспыхнуло восстание. Да и сейчас, думаю, беспокойно в Александрии. Я жду вестей со дня на день, — я уже давно послал туда с письмами раба Эпафродита.

Как раз в это время из дому раздались голоса. Феон прислушался и сказал:

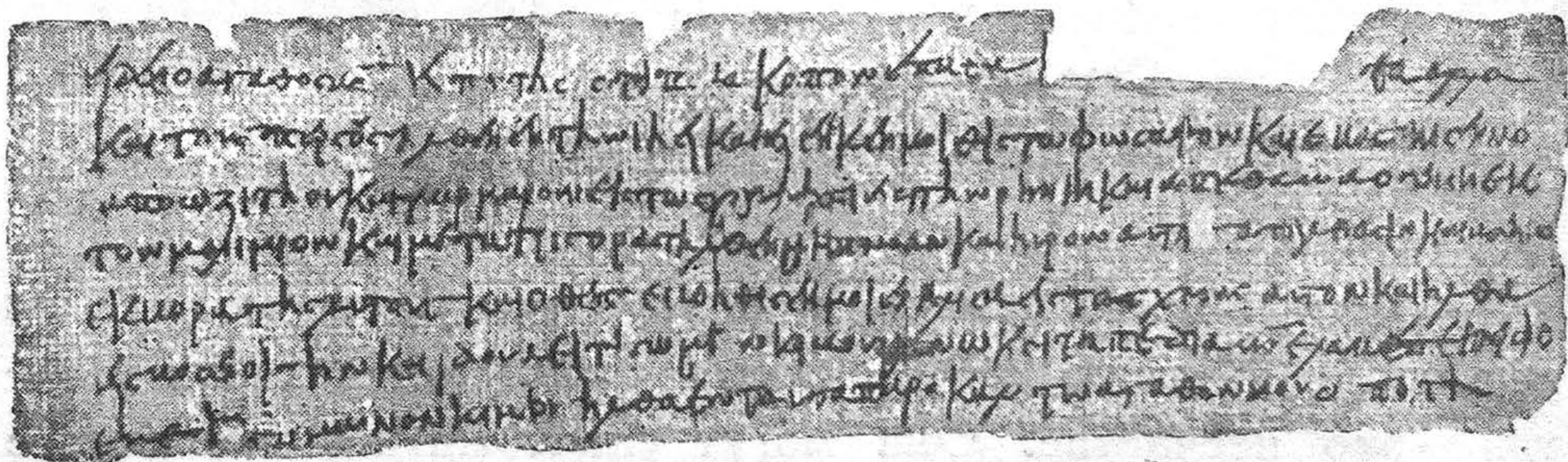
— Это, кажется, принесли то письмо, которое ты ожидаешь!..

Через несколько минут в сад вошла Герофила, мать Феона, и передала Архелаю письмо.

— А где сам Эпафродит? Разве он не приехал?

— Нет! Передали, что он заболел и лежит в Арсиное²³. Это письмо — от него.

Архелай вскрыл письмо и стал читать, с трудом разбирая малограмотные каракули раба:

Письмо раба.

„Пусть знает добрый мой господин, что много тяжестей я вынес, как пришел в Александрию. Там было очень беспокойно от приезжих египтян и рабов. И взяли меня там, и нашли ваши письма, и пытали меня: били кнутом из свиного волоса и привешивали к лестнице вниз головой, и сыпали в нос и рот мел, и поливали мел уксусом³⁴, но я — упаси бог! — не сказал ничего лишнего. И я умер и стал, как один из могильных памятников. Только через три часа пришло ко мне дуновение жизни. И бог помог мне. Я ушел из их рук и добрался до Арсиноита²³. И вот я захворал. Пока я лежал без памяти, и платье и деньги

мои украли у меня вдобавок. Я один, нагой, пришел сюда. Сообщаю доброму моему господину..."

Тут Архелай побледнел, свернул письмо и сказал Герофиле:

— Зайдем в дом, там я тебе прочитаю остальное. А ты, Феон, останься здесь.

Не прошло и получаса, как Феон увидел Архелая в дорожной одежде и шляпе. Он шел по дороге к Нилу. Рабы везли за ним тележку с его вещами. Ясно было, что Архелай куда-то поспешно уезжал. Феон видел по всему, что дело очень серьезно. На этот раз ему и в голову не пришло просить, чтобы и его взяли с собой.

Еще несколько минут спустя к Феону вышла его мать, вся в слезах, и сказала ему:

— Ну вот, Феон, твое желание, наконец, исполнилось. Через несколько дней мы едем в Александрию.

Феон стал расспрашивать, и мать в конце концов рассказала ему все. Эпафродит, которого Архелай послал в Александрию, вез с собой два письма: одно — к Феону старшему, с семейными новостями, другое — к знатному александрийскому греку Гермаиску. Гермаиск подготовлял в Александрии восстание против римлян, и в письме Архелая говорилось об этом восстании. В то же время в Александрии неожиданно начались возмущения и среди прибывших сюда на работу египтян, которых принудительно отсылали назад в их деревни. К восстанию примкнули и александрийские рабы. Поэтому всех прибывавших египтян и рабов, ездивших без хозяев, обыскивали. У Эпафродита нашли письма, прочли письмо к Гермаиску и стали у него выпытывать, кто писал эти письма, и к какому Феону одно из писем адресовано. Эпафродит не сказал ни слова, несмотря на ужасные пытки, но все же филакитам * удалось узнать, кто такой Феон. В письме к Феону старшему не было сказано ничего о политике, но оно было найдено вместе с письмом

---

* Греческие жандармы.

к Гермаиску, и поэтому Феона все же посадили в тюрьму. Конечно, надо было ожидать, что александрийские филакиты скоро дознаются, кто послал письма. Поэтому Архелай и уехал так поспешно; он решил, что ему нужно скрыться.

В то время когда Феон стоял огорченный и растерянный, к нему подошел Аполлоний и сказал:

...и пытали меня...

— Феон, пройди ко мне в комнату. Я тебе подарю что-то интересное!

Феон прошел наверх, в каморку Аполлония. Аполлоний взял один из лежащих там свитков и передал его Феону со словами:

— Вот тебе от меня подарок. Может быть, он утешит тебя в твоём горе!

Это был свиток „Илиады“, но совсем не такой, какой был у Ламприска. Он был написан на прекрасном светложелтом блестящем папирусе замечательным почерком и был снабжен миниатюрными рисунками, исполненными чрезвычайно художественно.

Феон пришел в восторг:

— Как хорошо! Я верю, верю во все эти рассказы — и плевать хочу на все нравственные и иносказательные толкования!

— Ты прав, — сказал Аполлоний — эти иносказательные толкования — просто глупость. Все, что хотел сказать Гомер, он сказал так ясно и просто, что незачем затемнять его слова.

— А почему все-таки Гомер говорит про богов дурные вещи? — спросил Феон. Он до того увлекся подарком, что на время забыл свое горе.

— Дело в том, что вам учитель диктовал неверно. Он диктовал вам:

ΘΕΟΣ ΟΥΚ ΑΝΘΡΩΠΟΣ ΟΜΗΡΟΣ

бог, а не человек Гомер,

а Гомер был человеком, а не богом. И жил он в те далекие, суровые времена, когда людям на каждом шагу приходилось хитрить, обманывать, убивать. Такими же они представляли себе и богов. А уже в более позднее, более мягкое время жили философы — Ксенофан, Гераклит, Платон, — и их возмутило, что Гомер приписывает богам такие ужасные вещи. Они и решили, что Гомера читать не надо, что его надо палками выгнать вон из школы!

— Неужели они не чувствовали, как красивы поэмы Гомера?

— Да, вскоре люди поняли, что нельзя отнять у школы Гомера, а чтобы боги не были оскорблены, придумали эти глупые иносказательные толкования. А того они не поняли, что каждый создает себе бога по своему собственному образу: негры изображают богов черными и курносыми, людоеды — людоедами. Правильно сказал философ Ксенофан ³⁵:

Если бы руки имели быки или львы или кони
И рисовали бы ими и все б создавали, что люди,
Стали б тогда и богов рисовать они в облике сходном —
Кони — подобных коням, а быки, — как быков...

— Ты хочешь сказать, что люди сами себе придумывают богов, а вправду их совсем нет?

— А что такое, по твоему мнению, бог?

— По-моему, — это самое могучее существо: все, что он захочет, он может сделать. И к тому же он самый добрый и справедливый, — он всех любит и всем делает добро.

— Ну, а разве мало в мире зла? Вот, например, Аполлонарис был добрый, хороший мальчик, все время молился своему богу-обезьяне и надеялся на его помощь. И все же Марк его искалечил. А ты говоришь, что существует какой-то бог. Как же по-твоему: бог хотел, но не мог ему помочь?

— Нет, отвечал Феон, этого не может быть. Если он бог, то он все может.

— Так почему же он все же не помог Аполлонарису?

Феон подумал и сказал:

— Выходит, что бог мог ему помочь, но не хотел.

— Вот ты сам видишь теперь, как глупо верить в бога, — сказал Аполлоний, — и прибавил:

— А знаешь, за что я подарил тебе „Илиаду“? За то, что ты один не побоялся Марка и решился заступиться за Аполлонариса!

— Вот как! Так ты это одобряешь! Мне и самому казалось, что я должен был так поступить. Но Архелай сказал мне, что и в старое время наши великие предки ненавидели варваров; если распустить египтян, то они нападут на нас и выгонят нас из Египта... Правда ли это?

— И в старое время были различные люди. Люди богатые, — те, что имели власть и почет, конечно, ненавидели варваров и рабов, как и всех вообще бедняков. Они боялись, что у них отнимут их деньги и власть. Но были и такие, которые считали, что варвары — такие же люди, как и греки. Вот послушай, что говорил философ Антифонт, живший в одно время с Софоклом и Еврипидом.

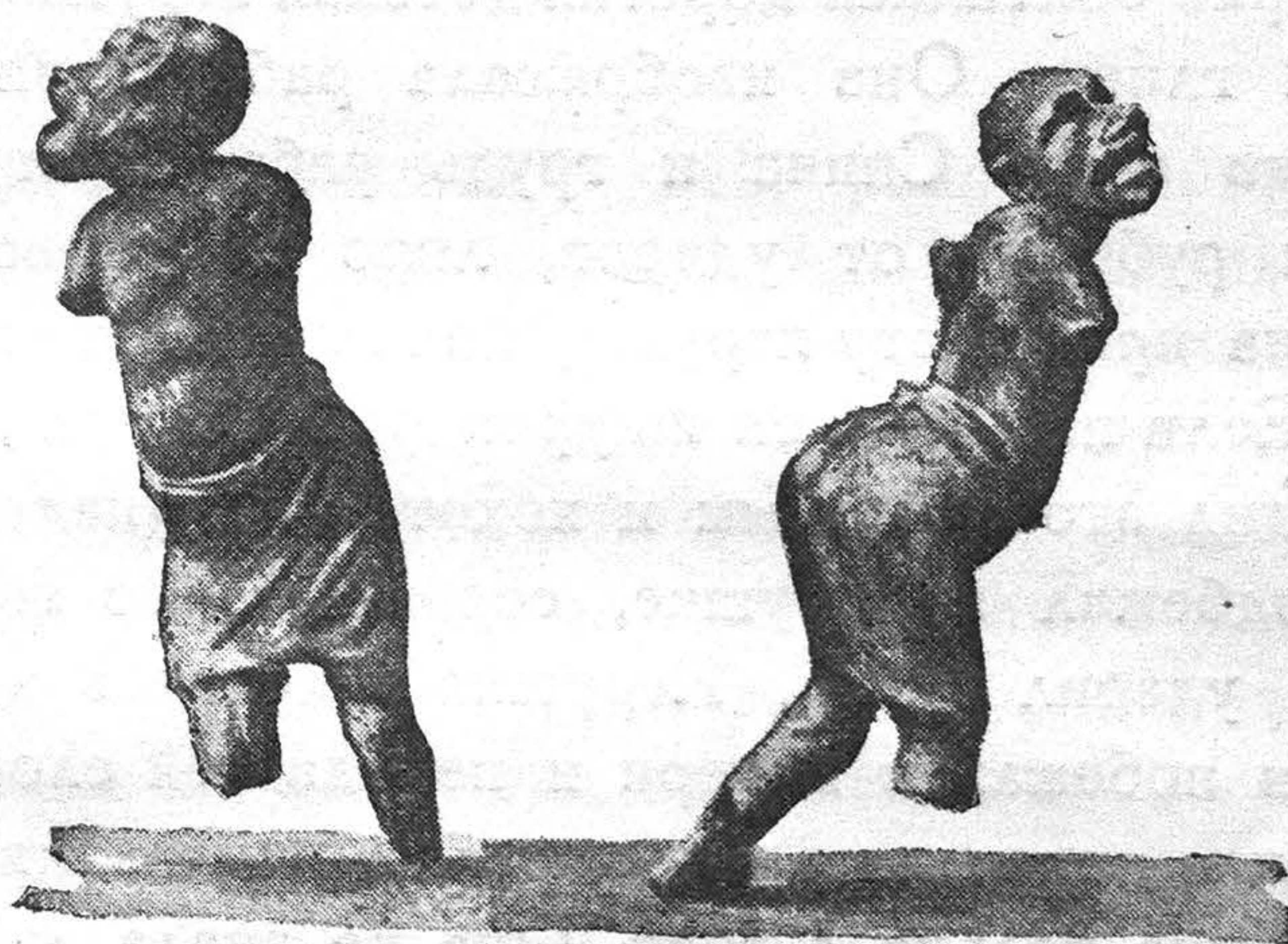
Аполлоний снял с полки свиток и стал читать:

„Сыновей знатных родителей мы уважаем и почитаем, а незнатных не почитаем. Но, поступая так, мы ведем

себя, как дикари: ведь от природы все люди во всем равны между собой — и варвары и эллины³⁶. Ни варвар, ни эллин из простонародья ничем не отличается от нас: все мы дышим воздухом через рот и нос и едим руками!..“

— И в самом деле, подумай только: большая часть твоих сверстников и сами не знают, кто они, — греки или египтяне. Так здесь смешалась греческая и египетская кровь! Кто же они — варвары или нет? Да и ты сам, хотя ты и чистокровный грек, но, право же, ты говоришь по-египетски лучше, чем по-гречески.

Игрушка изображала раба, извивающегося под ударами бича...

Или вот я. Я, ты знаешь, — варвар и раб, скажи же: чем я хуже или глупее знатных греков?

А у кого научились наукам и искусствам твои великие предки? У тех же египтян. А пирамиды? А сфинксы? Разве греки создали когда-нибудь такие величественные вещи?

Феон молчал. Он не знал, что возразить.

Аполлоний сказал ему:

— Ну, иди к твоей маме, не оставляй ее одну. И скажи ей, что я уже знаю, что случилось с твоим отцом. Если она возьмет меня с собою в Александрию, я могу помочь ей освободить твоего отца из тюрьмы. Как ты знаешь, я, с разрешения твоей мамы, даю уроки сыну Дидима Лурия, моего

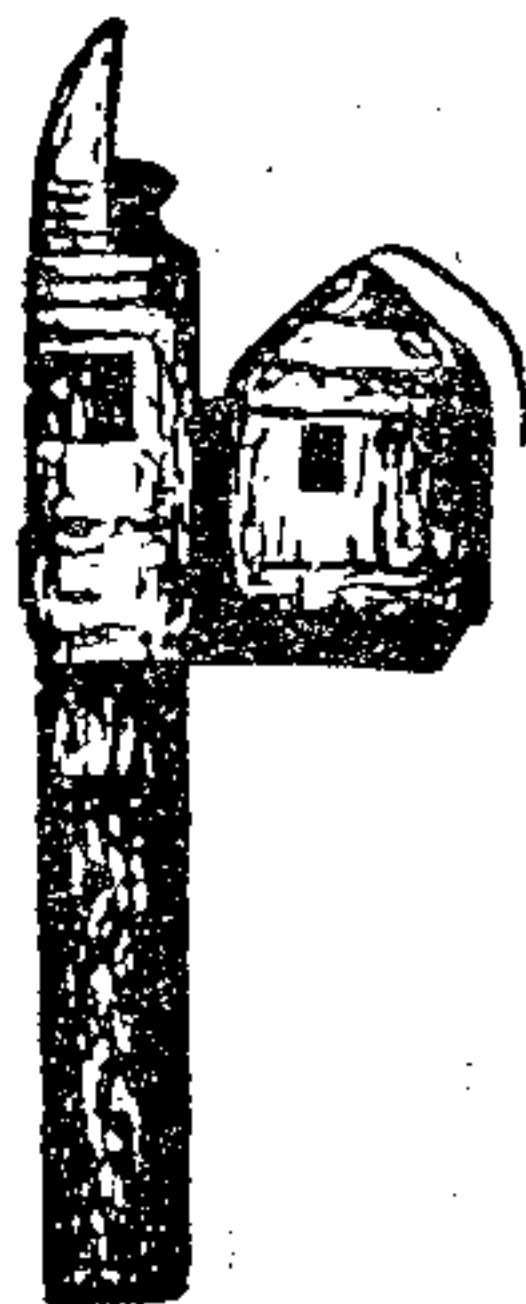
соплеменника. Брат этого Дидима, Феодор Лурий, ведет большие торговые дела в Александрии; он поставляет одежду для римского войска и хорошо знаком с начальником александрийского гарнизона. Дидим знает твоего отца; он может попросить своего брата; тот наверно согласится удостоверить, что твой отец никакого отношения к восстанию не имеет, и его выпустят. А я знаю, куда обращаться в Александрии и как писать прошения, — я там жил долго.

Феон, выйдя из каморки Аполлония, не побежал прямо к матери, а сперва зашел в свою комнату. Там, над столиком на шнурке болталась дорогая детская игрушка из светлоричневой глины. Она изображала раба, извивающегося под ударами бича. Спина и грудь раба были обнажены и покрыты рубцами от ударов, лицо искажено от боли. Отец Феона привез эту игрушку из Александрии и подарил мальчику. Если потянуть за шнурок, раб начинал извиваться. Отец находил это забавным и хохотал до упаду.

Феон подбежал к игрушке, сорвал ее со шнурка и со всей силы ударил о пол. Игрушка разбилась вдребезги...

Затем он побежал к матери и передал ей слова Аполлония. Герофила никогда не имела дела с чиновниками и ехала в Александрию только с горя. Она не знала даже, к кому обратиться. Она очень обрадовалась предложению Аполлония, позвала его к себе и сказала ему:

— Благодарю тебя, Аполлоний! В тот же день, когда мой муж выйдет из тюрьмы, ты будешь отпущен на волю.

IV ФЕОН ПУТЕШЕСТВУЕТ

В один из ближайших дней, рано утром, вниз по каналу медленно подвигалась запряженная ослом повозка. На нее были погружены всякие дорожные вещи, одеяла, подушки, одежда, пища. За повозкой шли Герофила, Аполлоний и маленький Феон. Вот рощица из финиковых пальм, где Феон так часто играл с товарищами.

Как только повозка выехала за рощу, перед Феоном сразу открылся широкий, как море, Нил.

У зарослей папируса в воде Феон увидел несколько лодок. Голые рабочие, стоя в них, срезали длинными ножами трехгранные стебли.

Феон подумал:

— Когда-то и моя „Илиада“ росла в воде в виде таких стеблей папируса!

Пройдя несколько шагов вперед, Феон увидел у берега ряд барок. На барки были перекинута с берега мостки. По мосткам вереницей шли носильщики с тяжелыми мешками, полными зерна. Феон так загляделся, что чуть не сбил с ног толстого, обсыпанного мукой хлеботорговца.

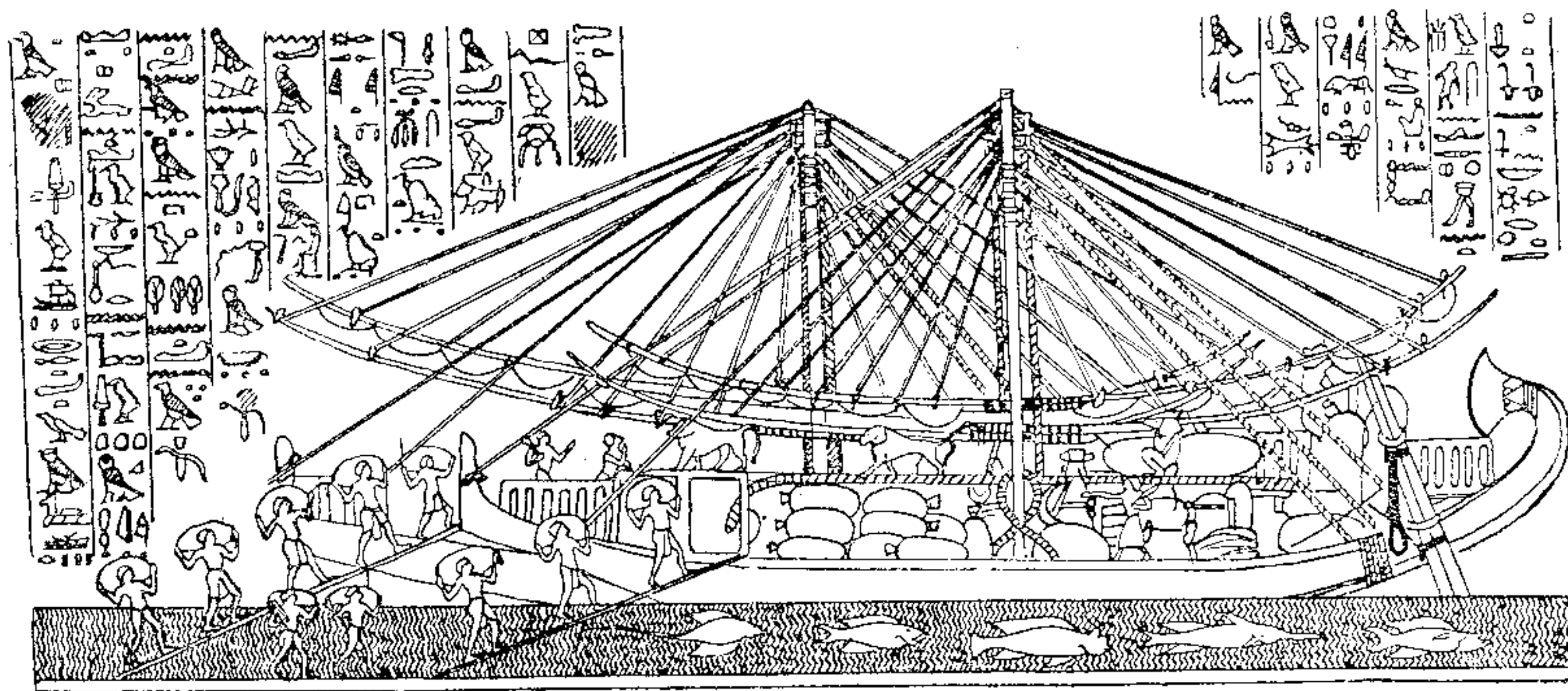
Проехав еще немного, повозка остановилась. Феон стал искать глазами и, наконец, увидел паруса и огромный глаз, намалеванный на большой лодке.

Это был корабль Антигона, отправлявшийся в Александрию. Корабль был весь причудливо разрисован и имел на

носу выпуклые фигуры. Он был уже полон пассажиров, но это были все бедные и простые люди. Они преклонялись перед богатством и знатностью родителей Феона. Для Герофилы тотчас же освободили лучшее место в носовой части корабля. Она разостлала свои одеяла и подушки и легла на дно. Эта носовая часть имела кровлю для защиты от дождя.

Феон не захотел, однако, остаться сидеть около матери и перешел в открытую кормовую часть: здесь у руля сидел

По мосткам шли носильщики с тяжелыми мешками...

старик египтянин Онуфрий, мастер рассказывать красивые сказки. С ним Феон был уже давно знаком.

Вскоре раздалась команда, гребцы-египтяне откинули назад весла и в одно и то же время с звучным всплеском погрузили их в воду. Корабль двинулся вниз по Нилу.

Вид берегов был довольно однообразен и вскоре утомил зрение Феона. Ровные, покрытые сочной зеленью берега Нила не прерывались никакими горами или холмами, никакими лесами, если не считать редких пальмовых рощ, в тени которых ютились темные глиняные мазанки крестьян. Видно было, как во все стороны отходили оросительные каналы. А чуть подальше от берега можно было видеть пустыню, откуда порывы ветра доносили сухой песок.

У Феона стали уже слипаться глаза от жары, и он бы

задремал, если бы не произошло нечто совершенно неожиданное. Внезапно стало темнеть, на небе проступили звезды. Солнце стало мутнорозовым и таким неярким, что на него можно было смотреть, не мигая. А затем оно совсем побледнело и стало, как луна. Это было затмение.

Пассажиры корабля охватил суеверный ужас. Раздались визг, крики, стоны, истерический плач. Стали требовать, чтобы рулевой причалил к берегу, так как затмение — вещее знамение для пассажиров, и кто не покинет корабля, тот утонет. Напрасно Онуфрий убеждал, что это вещее знамение предвещает беду всему Египту, а не только их кораблю. Пришлось пристать к берегу и высадить часть пассажиров. Эти люди предпочли идти пешком по незнакомым местам, чем рисковать остаться на корабле после страшного знамения...

Корабль плыл еще несколько часов, и почти внезапно день сменился черной ночью, — сумерек в Египте не бывает. Над лодкой раскинулось черное бесконечно-глубокое небо, усыпанное серебряными звездами. На небольшом расстоянии от корабля тянулась темная полоса — это берег; другого берега вовсе не было видно.

Аполлоний, желая доставить удовольствие Феону, спросил у рулевого по-египетски:

— Вот ты говорил, Онуфрий, что это затмение предвещает беду всему Египту? Расскажи мне, почему ты так думаешь.

Онуфрий осмотрелся, чтобы убедиться, что поблизости нет подозрительных слушателей, и, наконец, взор его остановился на Феоне.

— А ничего, что при этом греческом мальчике? — спросил он.

— Ничего, говори, — сказал Аполлоний. — Я за него ручаюсь.

РАССКАЗ ОНУФРИЯ

— В древнейшее время все египтяне были счастливы, соблюдали закон богов, и страна процветала. Но потом

люди стали грешить: сильный притеснял слабого, богатый — бедного. Бедных изнуряли непосильными работами.

За эти-то грехи боги послали Египту царя Хуфу³⁷. Он причинял стране всяческие беды. Он запер все храмы богов и запретил молиться и приносить жертвы богам, а потом решил строить себе огромную пирамиду и заставил всех египтян работать на него. Тридцать лет сто тысяч человек

Вид на долину р. Нила.

строили дороги, возили по ним камни и нагромождали их друг на друга.

Однажды царю Хуфу стало скучно, и он призвал к себе сыновей и советников, чтобы они рассказывали ему сказки и веселили его. Каждый рассказал ему, что знал, когда же очередь дошла до его младшего сына Хордедефа, он сказал отцу:

— До сих пор ты слышал только о том, что было прежде, так давно, что никак не проверишь, правда ли это или ложь, а я, если позволишь, приведу к тебе мудреца Деди, который расскажет тебе, что случится при твоей жизни.

— Введи его, — сказал царь.

Когда мудрец Деди вошел, царь спросил у него:

— Что тебе известно? Что случится?

— О царь (жизнь, здоровье, сила тебе)! Господин мой! Во чреве Реддедет находятся трое сыновей. Старший из них будет сидеть на этом высоком троне Египта.

Тогда царь спросил:

— Скажи же мне, кто эта Реддедет?

Деди сказал:

— Это жена жреца бога Ра в Гелиополе. Отец этих детей — бог Ра. Он и сказал Реддедет о судьбе, ожидающей этих детей.

Царь опечалился. Деди сказал:

— Не печалься из-за этих трех детей. Так я скажу тебе: ты — твой сын — сын твоего сына — один из них.

Как раз около этого времени Реддедет почувствовала, что она должна родить. Тогда бог Ра сказал богиням Исиде³⁸, Нефтиде, богине родильниц Месхенет, богине-лягушке Гекет и богу Хнуму — тому самому, который вылепил людей из глины:

— Идите и помогите Реддедет родить трех детей. Этим детям суждено сидеть на высоком троне Египта. Став царями, они откроют закрытые храмы, построят новые и будут приносить вам богатые жертвы.

Богини приняли вид бродячих танцовщиц, а бог Хнум — носильщика, сопровождающего их. Они пошли к дому жреца Рауссера и стали плясать у его дверей. Жрец вышел и сказал им:

— Почтенные, уходите отсюда — здесь лежит роженица.

Но они сказали:

— Впусти нас к ней, мы умеем ухаживать за роженицей.

Он сказал им:

— Тогда зайдите. Спасибо вам!

Они вошли и заперли за собой дверь комнаты. Исида стала у изголовья роженицы, остальные вокруг. И только Исида сказала:

— Не медли! Выходи!

— Как на свет сразу же вышел здоровый и крепкий мальчик, в локоть длиной; его руки и ноги были из золота, а волосы — из драгоценного камня ляпис-лазури.

И богиня-лягушка сказала:

— Это будет могущественный царь. Он соединит под своей властью северный и южный Египет.

Так же появились на свет и остальные два мальчика.

После этого боги ушли своей дорогой.

Царь же Хуфу взял с собой воинов и отправился в Гелиополь, чтобы убить младенцев, угрожавших его власти. Но когда корабли царя были в канале, богиня Исида наслала на Египет такую засуху, что каналы Египта пересохли, и царский корабль оказался на суше. Пришлось царю вернуться обратно.

Когда прошла засуха, царь снова отправился в Гелиополь. Но богиня-лягушка собрала на небе тучи, начались буря и дождь, какого никогда не бывало в Египте. Корабль царя опрокинулся, и он с трудом добрался вплавь до берега и дошел пешком до ближайшего города.

Но все эти предзнаменования его не остановили, и он опять отправился в Гелиополь.

А между тем, дети Реддедет росли не по дням, а по часам, и не прошло и полугода, как они уже стали цветущими юношами, облачились в белые одежды и стали жрецами бога Ра в Гелиополе.

Когда царь Хуфу приехал в Гелиополь, он уже никаких младенцев у Реддедет не нашел.

С пустыми руками вернулся он в свою столицу и вскоре умер от горя.

После смерти Хуфу царем стал сын его Хафра³⁹. Он во всем подражал отцу: храмы он оставил закрытыми, строил пирамиды, изнурял работой народ.

Недолго процарствовал Хафра и умер, а царем стал его брат Менкера⁴⁰. Он не одобрял дел своего отца и брата, отворил храмы и позволил народу, замученному тяжелой рабо-

той, вернуться к своим занятиям и праздникам. И вообще он был праведным и справедливым царем.

Царь решил, что он уже искупил грехи своего отца и брата. Он отправился в город Буто, в дельте Нила, где был знаменитый оракул ⁴¹ Аммона, и спросил его, счастливым ли будет его царствование. Но оракул сказал ему, что он только шесть лет будет царем, а на седьмой умрет. Такая краткая жизнь была ему наказанием за его справедливость и благочестие. Он знал ведь, что боги судили его семье быть нечестивой, а он своим благочестием нарушал волю богов.

Менкера приказал тогда зажечь все лампы во дворце и устроил пышный пир. И так пировал он шесть лет подряд, засыпая тут же за столом. А когда прошло шесть лет, он умер, не вынеся такой жизни. Царем же стал старший сын Реддедет.

Пока царили дети Реддедет, Египет был счастлив и наслаждался богатством и справедливостью.

Но вскоре египтяне снова впали в грехи. Хотя боги запрещали им иметь дело с иноземцами, они пригласили чужестранцев в свою страну, ели с ними за одним столом и женились на их дочерях. За это бог наслал отвратительную кожную болезнь на всех иностранцев и на всех, кто с ними имел дело. Царь обратился к оракулу, и бог приказал ему очистить Египет от всех больных этой болезнью. Но царь не послушался богов и вместо того, чтобы изгнать больных из страны и совершить обряд очищения, он собрал их, — а их было 80 тысяч человек, — и велел им работать в каменоломнях к востоку от Нила.

Среди больных был жрец азиатского бога Бэла ⁴². Он вывел всех из каменоломен, они захватили весь Египет и подчинили его своей власти. Азиаты ⁴³ и больные египтяне пьянствовали и бесчинствовали, а участь добрых египтян была хуже участи вьючного скота.

Это несчастье продолжалось тринадцать лет, а затем боги простили египтянам их грехи. Но недолго египтяне жили

праведно и счастливо. Опять они начали грешить, опять стали пускать в свою землю иностранцев, и даже их цари стали жениться на иностранках. А кроме того, у них появились мудрецы-волшебники, которые изучили столько наук, что вздумали природу и самих богов подчинять своей воле.

Тогда боги послали Египту в наказание за грехи его жителей царя-еретика Аменхотепа ⁴⁴. Аменхотеп, как некогда Хуфу, закрыл все храмы, запретил молиться богам и даже произносить и писать самые их имена и велел всем поклоняться новому, никому неизвестному еретическому богу, которому он дерзновенно придал образ солнца.

Тогда же в Египте жил мудрец, жрец Исида и Осириса ⁴⁵, которого также звали Аменхотеп ⁴⁶. Он видел, какое несчастье предстоит Египту, и решил его устранить при помощи науки и магии. Он знал, что бог сделал людей из глины, и что поэтому между человеком и глиняным горшком существует таинственная связь. Он и решил сделать горшки, не разбивающиеся при падении. Если горшки не будут разбиваться, то и люди не будут знать горя.

Но боги не могли допустить, чтобы их воля была нарушена. Когда люди пришли в храм бога Анубиса ⁴⁷, он дал им такой оракул: „Когда каждый будет заниматься только своим делом, всевышний Ра пошлет людям спасителя.“ Они и решили, что все несчастья от тех людей, которые занимаются не своим делом. С тех пор и до наших дней в Египте наказывают людей, которые не занимаются ремеслом своих отцов, — крестьян, которые уходят с земли в город, детей сапожников, которые становятся ткачами, и всех других; про жрецов же особо постановлено, что они не должны заниматься никакими делами, кроме богослужения.

А в это время мудрец Аменхотеп, жрец Осириса и Исида, имевший богатый дом и очень много плодороднейшей земли, вдруг бросил все это и занялся горшечным делом. Египтяне вспомнили изречение оракула и решили, что все несчастья происходят именно поэтому. Они напали на мастерскую Аменхотепа, разбили его горшки, еще неготовые, и раз-

рушили печь. Но таинственная связь связывала эту печь с Египтом, а горшки с египтянами; то, что случилось с печью и горшками, должно было случиться с Египтом и его жителями.

Мудреца же потащили к царю. Царь спросил у него, почему он, будучи жрецом, занялся горшечным делом.

Мудрец ответил:

— Теперь мне незачем жить. Я хотел спасти Египет, но по воле богов вышло иначе. Сейчас я умру, но перед смертью скажу вам, что будет с Египтом.

И царь позвал писца и велел ему записывать все, что будет говорить мудрец.

А мудрец сказал:

— Наступит время беззаконное. Божество уйдет с земли назад на небо, и будет покинут Египет, и настанет время господства поклонников злого демона Сета⁴⁸. Несчастный Египет, эта обширная страна, вся наполнится инородцами из чужих земель, а властвовать над

ней будет жестокий, безумный царь, живущий далеко от Египта...

Онуфрий остановился и вполголоса пояснил:

— Инородцы — это греки и римляне, а безумный царь — это римский император Гай Калигула.

Затем он продолжал:

— Инородцы будут как египтяне, а египтяне как инородцы. И отнимут имущество у коренных жителей и отдадут его инородцам. Египтяне будут сеять хлеб, но есть его будет тот, кто не сеял.

Египет, Египет, что останется от твоей былой славы!

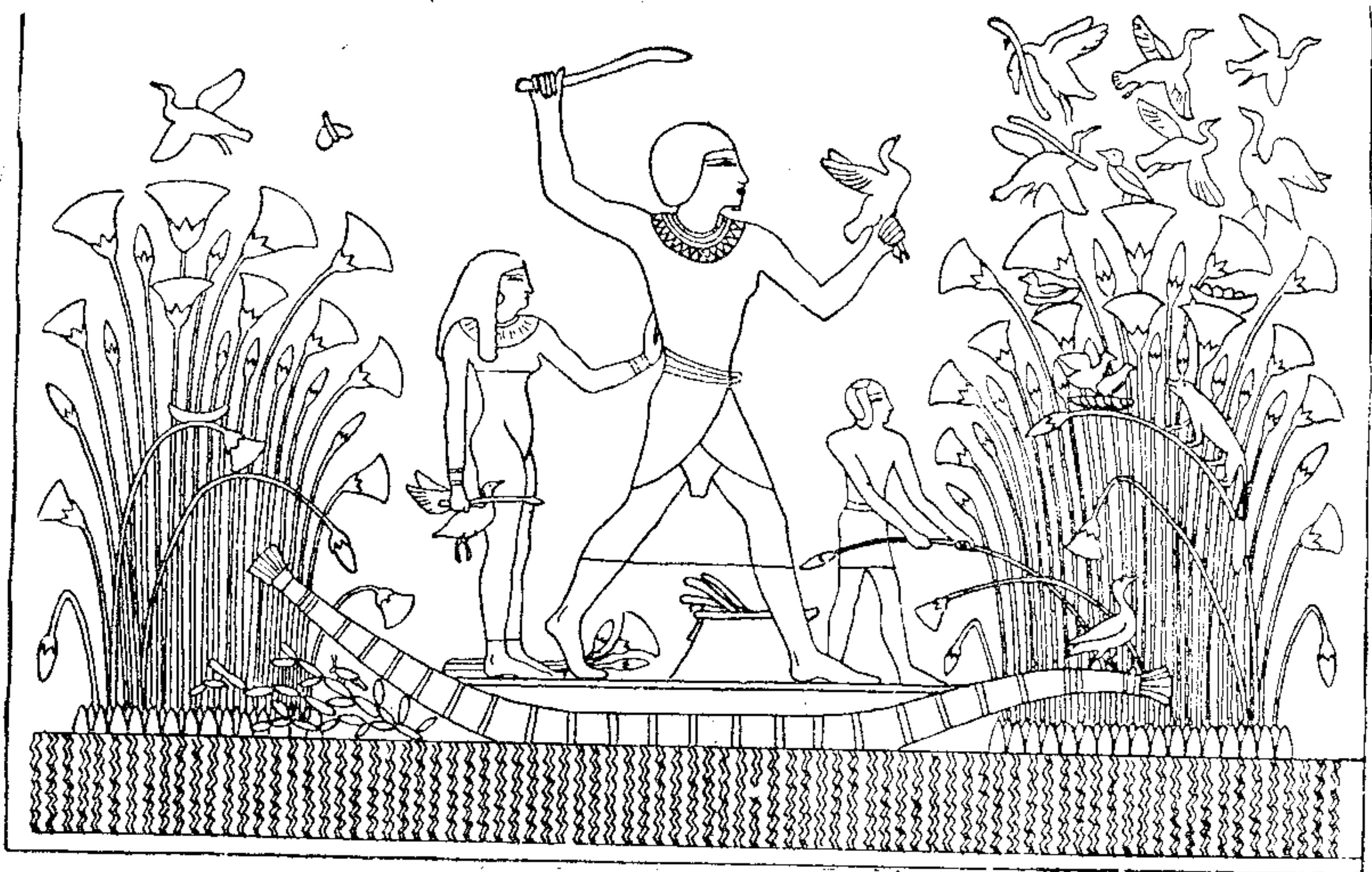
Мудрец Аменхотеп.

Сказки, которые покажутся потомкам выдумкой, да буквы, высеченные на каменных плитах! И людей охватит тоска, и они не будут восхищаться миром — они будут презирать жизнь. Вымрет смех. Маленькие дети будут говорить:

— Нас-то за что мучают? Пусть бы лучше мы не родились. Пусть бы прекратился род человеческий...

— Разве же это не похоже на наше время? — прибавил Онуфрий, но его перебил голос матроса:

Заросли папируса.

— Мелко, грести нельзя! — Куда правишь, рулевой?

— Семьдесят лет я живу, ответил Онуфрий, и никогда не было на этом месте мели. И так по всему Нилу. Но слушайте пророчество горшечника. Я продолжаю:

— Река Египта высохнет. Дойдет до того, что ее можно будет перейти в брод. Солнце померкнет. Оно будет на небе днем, подобно месяцу. И снизойдет на мир старость. Как были разбиты горшки в моей печи, так будут разбиты души людей в Египте.

— Ну, что, теперь поняли, что означает сегодняшнее затмение? — прибавил Онуфрий.

Один из сидевших рядом египтян спросил:

— Так, значит, нет спасенья? Значит, что ни делай, все равно мир погибнет?

— погоди, дай мне кончить. Вот, что еще сказал мудрец Аменхотеп:

— После того как это все случится, господь и отец, всемогущий бог Ра, ополчится на эти преступления и выжжет огнем или истребит мечом и чумой всех грешников и иноземцев. И придет из Гелиополя юный царь, податель благ, помазанный на царство великой Исидой. А приморский город, столица иноземцев в Египте, вымрет и опустеет за все те обиды, которые он причинил Египту. На месте, где стоял этот город, лишь рыбаки будут сушить свои сети. Изредка пройдет здесь прохожий и скажет: „Здесь был город, в котором многие десятки тысяч людей находили пропитание, где жили люди всех племен“... И солнце снова ярко засияет, и Нил наполнится водой, и все египтяне будут счастливы и будут молить богов, чтобы люди, умершие в тяжелые годы, воскресли и приняли участие в общем ликовании. И тогда Египет“...

Мудрец Аменхотеп не успел договорить, упал и испустил дух. Царь горько заплакал, велел похоронить его в Гелиополе, а свиток велел спрятать на вечные времена в сокровищнице храма и показывать его всем желающим.

Все это мне рассказали люди, которые сами читали пророчество.

Онуфрий замолк. Корабль медленно подвигался среди черной ночи под мерный всплеск весел. Было торжественно и жутко. Феон был весь под впечатлением пророчества и спросил шопотом у Аполлония, что он думает обо всем этом.

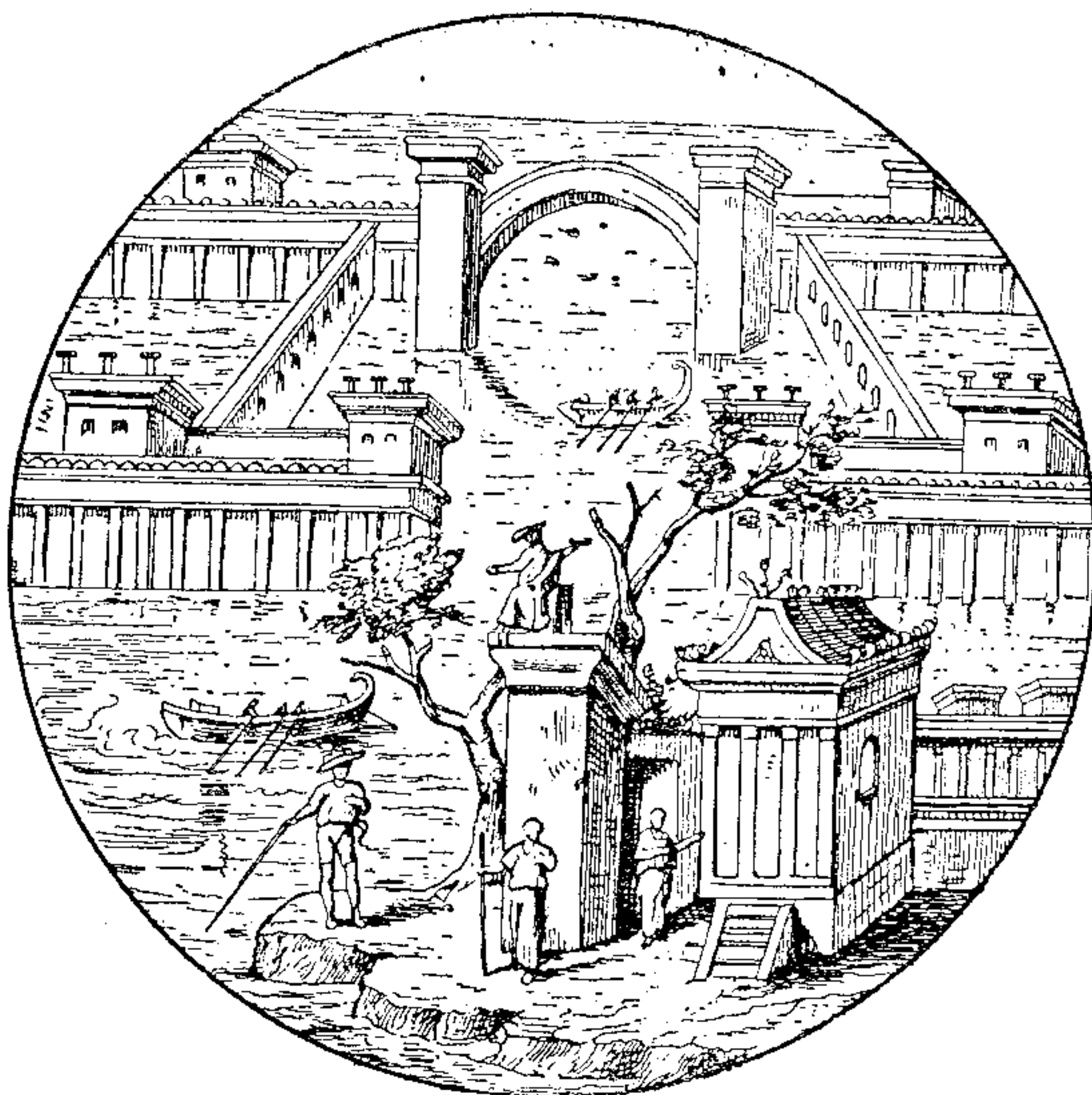
Аполлоний сказал:

— Красивая старинная сказка. Но правды в ней немного. Вместо того чтобы бороться с насильниками, предки египтян сидели, сложа руки, и уверяли себя, что так угодно богам, что все дело в том, чтобы молиться, приносить им

жертвы и не водиться с иноземцами. А между тем, от иноземцев можно научиться многим полезным вещам, облегчающим жизнь. Надо только не давать им садиться себе на шею.

— Но удивительно, что люди уже в такие древние времена предсказали все, что мы видим теперь: и то, что будет построен город Александрия, и засуху, и солнечное затмение... Как ты это объяснишь? — спросил Феон.

Александрийская пристань.

— И засухи и затмения повторяются во все времена. Кто их предскажет, никогда не ошибется. А предсказание о гибели Александрии прибавлено к этой сказке уже после того, как Александрия была построена, чтобы утешить египтян в их горе. Но поздно... Пора спать.

Феон лег на дно корабля, долго смотрел на звезды и не мог уснуть. Наконец, усталость взяла свое, он крепко заснул и проснулся от палящего зноя только на следующий день.

Уже через пару дней путешествие надоело Феону и стало его утомлять.

От скуки он развернул подаренный ему свиток „Илиады“ и с помощью Аполлония стал его читать. Вскоре он так увлекся, что забыл обо всем на свете.

К приезду в Александрию он прочел уже две первые песни. Читал он их так внимательно и усердно, что многое знал наизусть.

На пятнадцатый день корабль причалил к александрийской пристани. Филакиты внимательно осмотрели самих пассажиров и их вещи. На берегу было тихо. Повстанцы были оттеснены в противоположную часть города. Кроме того, как сказали на берегу, восстание уже было почти подавлено.

Около пристани, на доске, выбеленной мелом, было написано такое объявление:

„Все египтяне, находящиеся в Александрии, а прежде всего крестьяне, которые бежали со своих участков, и которых разыскивают сельские власти, должны быть во что бы то ни стало немедленно выселены из Александрии. Разрешается находиться в Александрии только следующим категориям египтян:

- 1) торговцам свиньями,*
- 2) речным матросам,*
- 3) привозящим тростник для растопки городских бань.*

Все же прочие толпящиеся в городе, устраивающие беспорядки и не приносящие никакой пользы городу, должны быть выселены.

Не следует препятствовать высаживаться в Александрии египтянам, прибывающим в праздничные дни для участия в храмовом богослужении и жертвоприношении и приводящим животных для жертв. Также не следует делать препятствий и тем зажиточным египтянам, которые приезжают для получения образования, по торго-

вым делам и для осмотра достопримечательностей города.

Закон требует выселения только крестьян, бежавших со своих участков, чтобы не заниматься земледельческим трудом.

Высылке подлежат лишь египтяне, говорящие по-египетски, одетые в египетскую крестьянскую одежду и соблюдающие египетские национальные обычаи, чуждые культурным людям.“

Аполлоний показал Феону это объявление и сказал:

— Вот тебе и варварская кровь! Стоит египтянину разбогатеть, научиться говорить по-гречески, принять греческое имя и одеть греческую одежду, и он уже больше не варвар, а почтенный гражданин! Как видишь, египтян преследуют совсем не за то, что они варвары. Просто александрийцам нужен дешевый хлеб, а если можно заставить египтян работать на себя, то почему же этим не воспользоваться? А еще египтян преследуют за то, что они любят свою великую страну, свои чудные предания и не хотят говорить и одеваться по-гречески.

Феон с матерью и Аполлонием заехали к Феодору Лурию, к которому они имели рекомендательное письмо от его брата Дидима. Лурий жил в еврейском квартале. Евреи во время этого восстания были на стороне римлян: поэтому в еврейском квартале было очень тихо и спокойно.

Лурий принял гостей очень радушно. Он, оказывается, знал немного отца Феона, так как имел с ним за несколько лет до этого времени торговые дела. Он охотно согласился просить за него начальника гарнизона Гая Авидия Кассия.

Уже на следующий день Лурий принес записку от начальника гарнизона, и Аполлоний отправился хлопотать по делу Феона большого.

В эти дни маленький Феон был заброшен и скучал. Аполлоний заметил это и предложил Герофиле, что в часы, свободные от дел, он покажет Феону достопримечательности Александрии. К этому времени восстание уже было

почти подавлено, и мать охотно разрешила Феону уходить из дому с Аполлоном.

Больше всего поразили Феона александрийские улицы. В небольших греческих городах на юге Египта, — например, в Оксирихе, — улицы были узенькие, грязные, извилистые. Часто по ним вовсе нельзя было проехать в коляске. Уборных у греков не было, — улицы часто служили в то же время уборными. Можно представить себе, как на них было грязно!

А в Александрии можно было свободно проехать по улицам на колеснице, запряженной четверкой лошадей; главная же улица, по которой шли Феон с Аполлоном, имела больше 20 шагов в ширину. И притом александрийские улицы были совершенно прямые, шли параллельно друг другу и пересекались под прямыми углами. Все это казалось Феону настоящим чудом!

Аполлоний повел Феона в базиликон (зернохранилище), где ему надо было повидаться с одним знакомым. По дороге Аполлоний разъяснил Феону, какое значение имеет базиликон в жизни Александрии.

— Александрия, сказал он, — столица Египта. В ней больше пятидесяти мириад * жителей. Она лежит при впадении Нила в море **, которое я надеюсь завтра еще показать тебе. Здесь находятся все государственные учреждения с десятками тысяч чиновников. Всех их нужно прокормить. Кроме того, им нужна дорогая одежда, домашняя утварь и другие вещи. Все это получается из Малой Азии, Сирии ⁴⁹ и других мест в обмен на наш хлеб. И, наконец, огромные налоги надо платить Риму. Для этого также нужен хлеб. Весь хлеб берется с египтян в виде хлебного налога. Этот-то хлебный налог, свозящийся со всего Египта, и ссыпается в базиликон. В его высокие каменные башни вмещаются целые горы зерна.

---

* Полмиллиона (мириада = 10000).

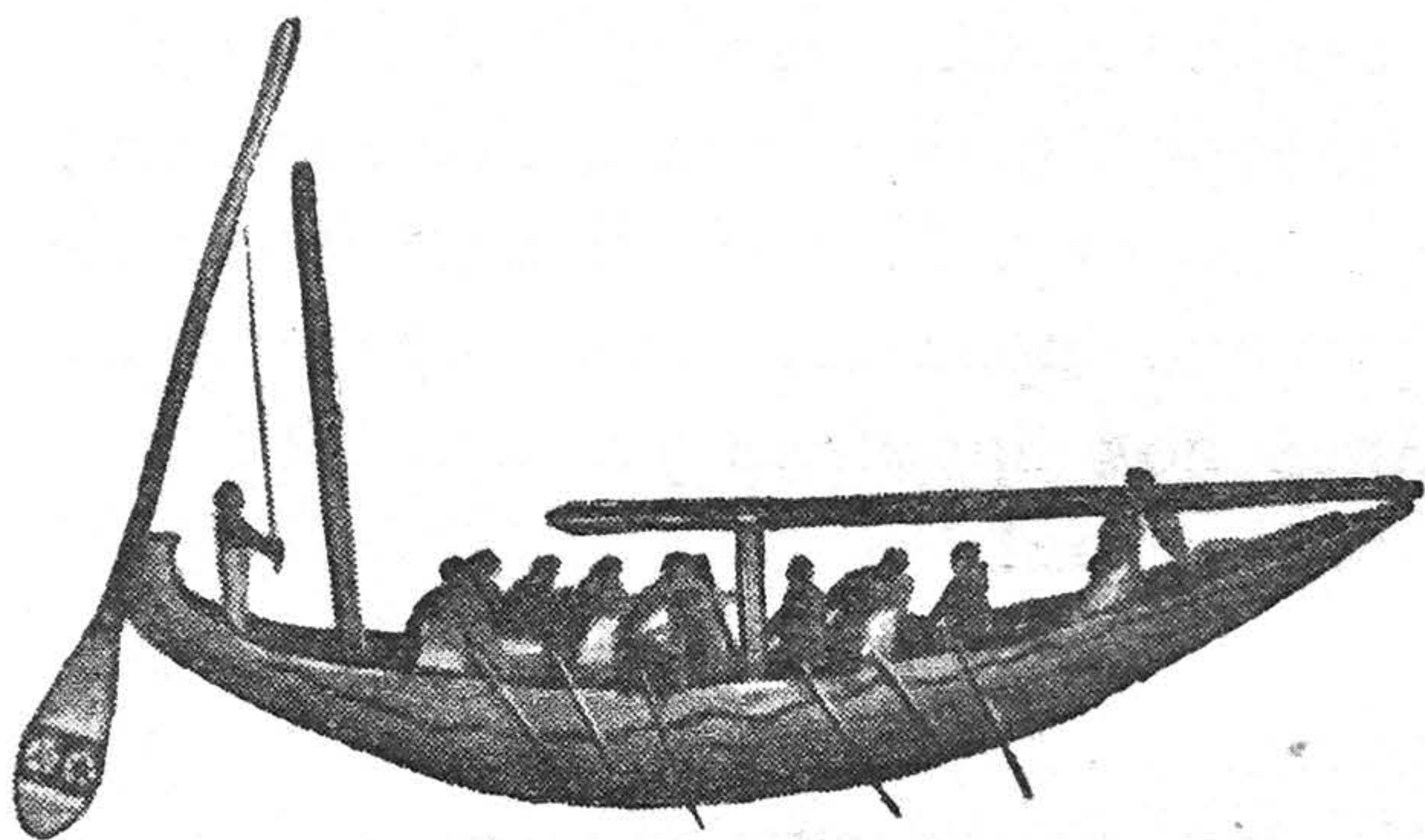
** Средиземное.

В это время Феон с Аполлонием вошли в базиликон и стали ходить по его многочисленным дворам.

Здесь между мешками с зерном толпились, толкая друг друга, чиновники с палочками для письма и дощечками в руках, торговцы, голые, вооруженные дубинкой полицейские, погонщики ослов и целая армия черных нубийских⁵⁰ рабов.

Одного из приемщиков зерна Аполлоний окликнул, и тот немедленно же передал свои дощечки товарищу, а сам подошел к Аполлонию и удалился с ним и Феоном вглубь двора, за груды мешков.

Лодка.

Феон взглянул на приемщика и остолбенел: он узнал в нем Илариона, отца Аполлонариса!

Иларион покосился на Феона и сказал:

— При мальчике?

— Ну, это смотря

какой мальчик, — серьезно перебил его Феон. — Я — свой!..

Аполлоний и Иларион рассмеялись. Затем Иларион сказал:

— Плохо наше дело. Восстание умирает.

Но Аполлоний возразил:

— Это оттого, что у вас нет хорошего организатора. Я говорил уже с греками. Они так ненавидят римлян, что согласны действовать с вами под общим командованием.

— Но они предадут нас, Аполлоний!

— Непременно предадут, если будет неудача. Но будем надеяться на удачу.

— А если будет удача, и мы свергнем римлян, они расправятся с нами и снова сядут нам на шею.

— Да, борьба тогда снова вспыхнет. Но мы посмотрим еще тогда — кто кого...

Аполлоний передал Илариону письмо и дал ему несколько практических советов, а затем взял Феона за руку и вышел с ним на улицу.

Невдалеке от базилика Феон увидел замечательную статую бога реки Нила, на которой сидело двенадцать малышей. Неудивительно, что в Египте чтили Нил: здесь дождей не бывает, и Нил — единственный податель урожая. Двенадцать малышей — это те двенадцать локтей *, на которые должен подняться Нил, чтобы оросить, как следует, поля египтян.

Затем Феон с Аполлонием вышли в центр города и прошли мимо ряда пышных императорских дворцов. Около одного из них Аполлоний остановился. Здесь, рядом с храмом Муз, помещалась огромная библиотека, называвшаяся Музеем.

Аполлоний не мог говорить о Музее без волнения. Здесь были собраны все греческие книги почти за тысячу лет. Еще и теперь, сказал Аполлоний, здесь сидят десятки рабов и переписывают эти папирусы. На полках стоят целые ряды свитков, выглядящих так же, как тот, который Аполлоний подарил Феону.

При библиотеке живут ученые. Они имеют общую кассу, едят вместе и только и делают, что с утра до вечера читают книги, собираются на заседания, где ведут ученые беседы, и сами пишут книги.

Сюда приглашали знаменитейших ученых всего мира. Первой их задачей было привести в порядок замечательное книгохранилище. Рукописи прежде, чем попасть в библиотеку, переписывались десятки раз — в них вкралось много ошибок и искажений. Надо было сличить между собой рукописи, исправить ошибки. Далее, сочинения, находящиеся в библиотеке, были написаны за много столетий до того, как они попали в библиотеку. Надо было написать к ним примечания („схолии“): объяснить слова, ставшие непонят-

---

* Локоть — мера длины, около $\frac{1}{2}$ метра.

ными; познакомить читателя с людьми и городами, о которых рассказывается в этих рукописях. Этим занимались филологи. Например, Зенодот, Аристарх и Аристофан исправляли текст и толковали Гомера. Многие, начитавшись старинных книг, чувствовали себя в силах самостоятельно продолжать работу древних ученых. Были здесь ученые, которые занимались анатомией и медициной и сделали в них ряд удивительных открытий. Один из них, Герофил, первый решился вскрывать человеческие трупы. Он открыл, что человек думает не сердцем, а мозгом, что артерии наполнены не воздухом, а кровью. Другие (как Каллимах) занимались поэзией. Правда, их поэмы далеко не были такими красивыми, как поэмы Гомера, но зато они были наполнены всякого рода ученостью. Некоторые занимались математикой, — например, Эратосфен.

Многие из ученых, работавших в Музее, уезжали оттуда, поселялись в различных городах и разносили повсюду александрийскую науку.

Феон с удивлением спросил у Аполлония, почему он, такой ученый, не работает в Музее.

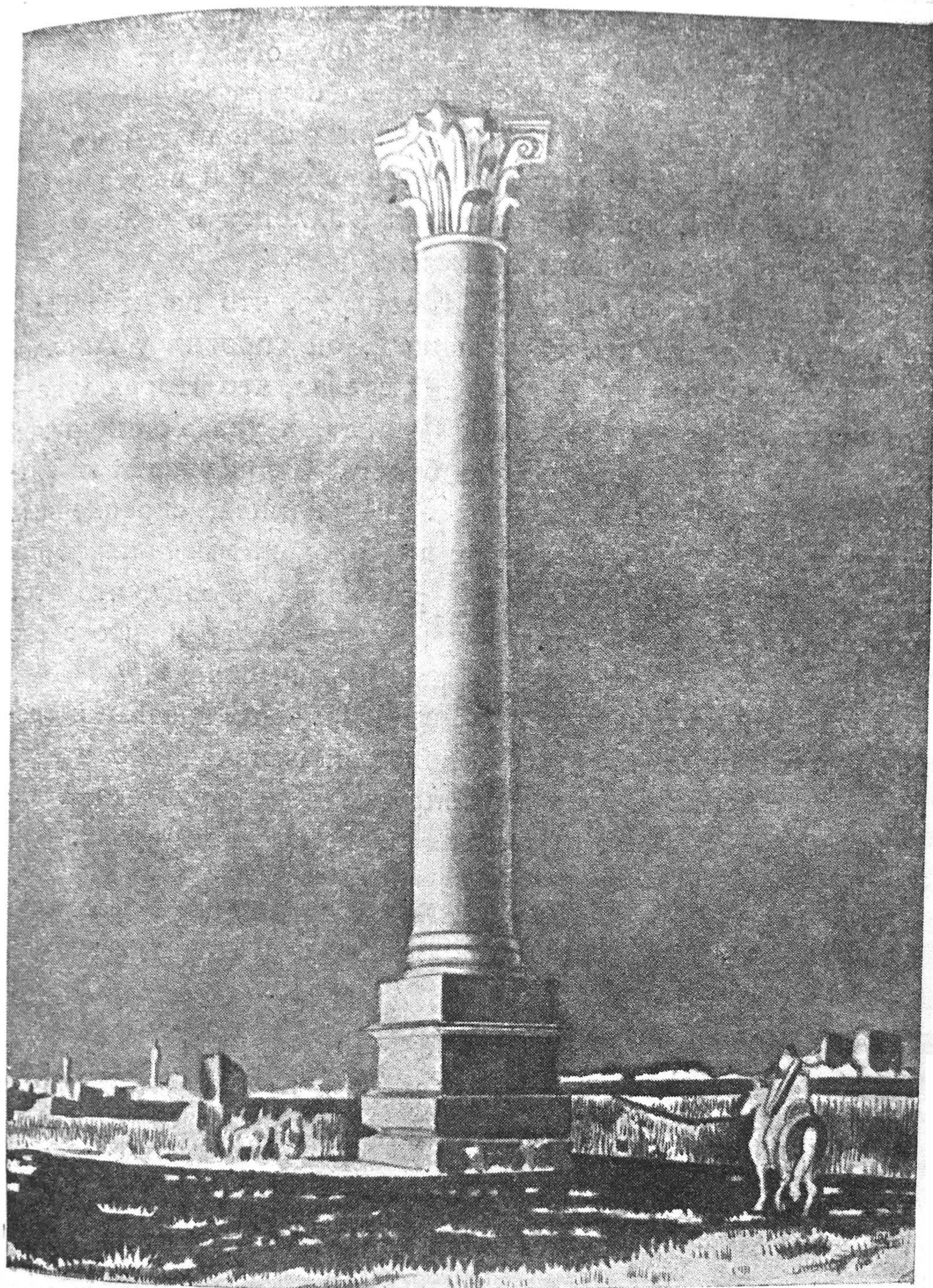
— Для этого надо быть богатым и знатным человеком или, по крайней мере, близким к знати. А меня, полунищего еврея, туда никто не пустит...

Придя домой, Феон долго не давал спать матери, рассказывая все, что он видел. Об Иларионе он, разумеется, не сказал ни слова. Он стал приставать к матери, и она, наконец, разрешила ему на следующий день вечером пойти с Аполлонием в гавань.

Феон долго не мог заснуть, а ночью спал беспокойно и кричал во сне. Весь следующий день он жил ожиданием вечера. Наконец, пришел Аполлоний и повел его.

Феону казалось, что он видит волшебную сказку. Так причудливо выглядели ночью колонна Помпея, похожая на стебель гигантского водяного растения, огромная римская башня и удивительная „игла Клеопатры“ — узкий, заостренный кверху обелиск⁵¹, покрытый сверху донизу иероглифами.

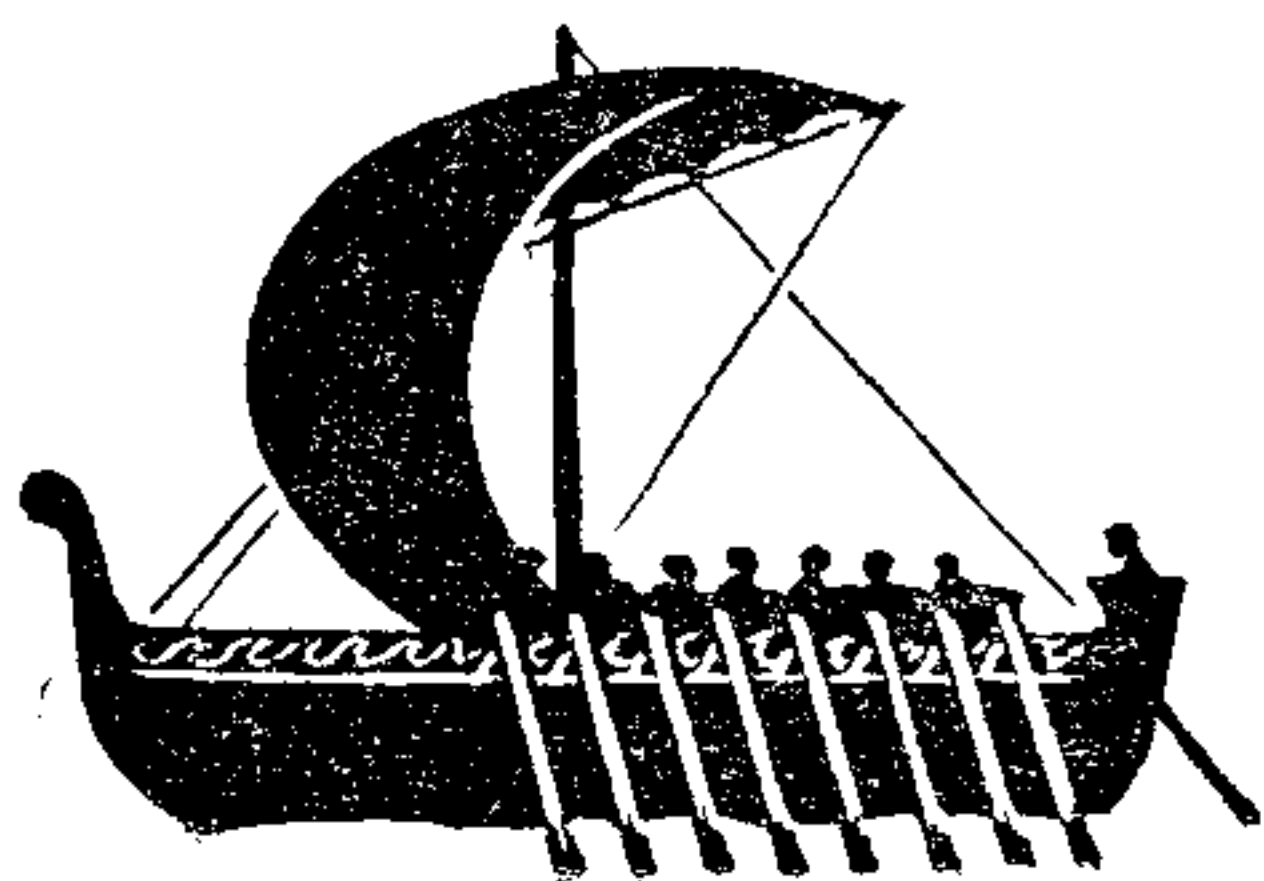
Колонна Помпея.

Феон даже вскрикнул от восторга, увидев море. Он в первый раз в жизни видел его беспредельную ширь и глухо шепчущие высокие волны, с звонким плеском ударяющиеся о берег. У берега стоял длинный ряд огромных римских и сирийских кораблей, по сравнению с которыми нильские корабли казались лодочками. Эти корабли прибыли из-за моря в гавань с товарами. Вдоль набережной выстроились богатые дворцы, храмы и портики (галлерей с колоннами), украшенные мраморными статуями.

Но больше всего поразило Феона то, что на небе была не одна, а две луны. Изумленный, он спросил у Аполлония, что это означает. Аполлоний сказал, что вторая луна— это огонь на верхушке маяка Фароса, и указал ему рукой на маяк⁵². На острове против берега Феон увидел гигантское сооружение из огромных белых камней, скрепленных свинцом. Маяк стоял на трех подставках, имевших форму гигантских раков. Аполлоний рассказал Феону, что этот маяк в сто раз выше человеческого роста, и что с его вершины открывается вид на пять тысяч стадий.⁵³

Здесь Аполлоний встретился с какими-то знатными греками в пышных плащах и долго и оживленно о чем-то говорил с ними. Феона он попросил подождать его, оставаясь сзади, и Феон не слышал, о чем они говорили.

V МАЛЕНЬКИЙ ФЕОН НЕ КОГЛАКЕН БОЛЬШИМ

На следующее утро Феона ожидала новая радость: над его кроватью стоял его отец, только что выпущенный из тюрьмы. Это был невысокий, толстый человек, обритый и одетый по римской моде. Он всячески ругал своего брата Архелая и даже говорил, что если бы он знал, где его брат, то он выдал бы его римским властям. Он говорил, что греки не могут желать ничего лучшего, чем власть римлян. Ни при какой другой власти нельзя было бы лучше торговать и лучше зарабатывать, чем при римлянах. Вдобавок римская власть прекрасно держит в узде египтян и заставляет их работать на греков; никакая другая власть не могла бы этого сделать так хорошо.

Он побранил маленького Феона за историю с Аполлонарисом. Феон старший, однако, не очень сердился на мальчика, — он думал, что мальчика научил „этот безумец Архелай“. Когда же отец-Феон узнал, что маленький Феон знает почти наизусть две песни „Илиады“, он пришел совсем в хорошее настроение и обещал купить сыну новый дорогой пенал.

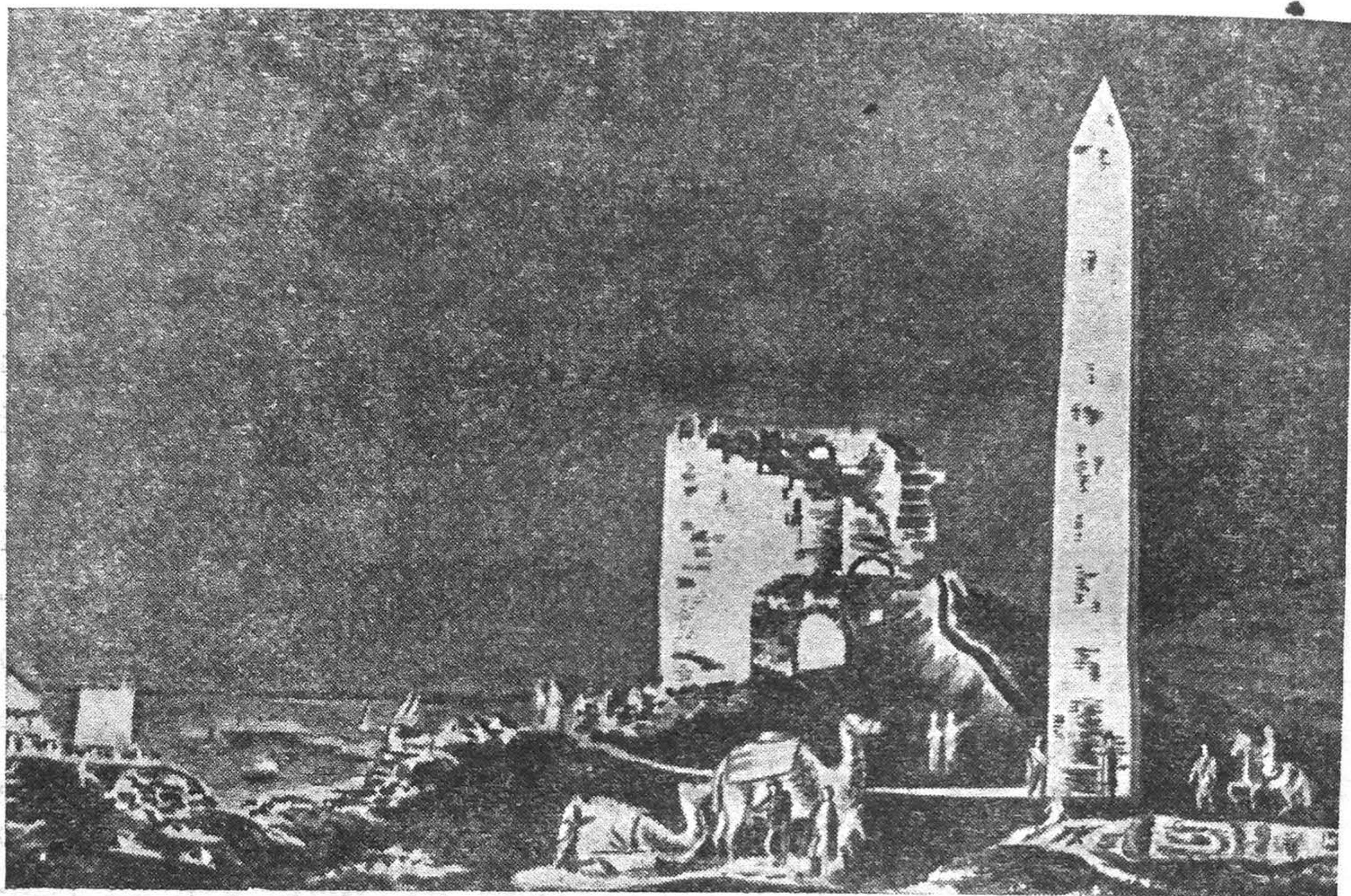
Маленькому Феону было от этих разговоров как-то не по себе; он продолжал смотреть на отца угрюмо исподлобья.

Вскоре пришел Аполлоний проститься с Феоном: его отпустили на волю, он уходит из их дома, и больше Феон его никогда не увидит. На память он подарил Феону биографию Демосфена⁵⁴, написанную Аристенетом.

Маленький Феон крепко пожал ему руку и заплакал...

А большой Феон был все время в самом лучшем настроении. Он успел быстро сблизиться с Феодором Лурием,

Римская башня и игла Клеопатры. (К стр. 78.)

и тот обещал ему устроить так, что ему будет поручена поставка хлеба для римской армии. Это обещало такие барыши, что, право, стоило посидеть два месяца в тюрьме.

Мать сообщила Феону о большой радости: через несколько дней у Лурия будет обедать сам начальник римского гарнизона Кассий, и его познакомят с отцом Феона. Отец был в восторге. Сын научился уже ненавидеть римлян, и все это его только раздражало и озлобляло.

Феону снова запретили выходить на улицу, — опять начались волнения.

Он сел читать Аристенета. Он с восторгом читал о Демосфене, отдавшем всю свою жизнь борьбе за свободу Афин. Этот чудный город хотели поработить македонские цари Филипп и Александр, — такие же холодные злодеи, как впоследствии римские императоры.

— Афиняне, — говорил Демосфен. — Я всегда буду давать вам советы, даже когда вы этого не хотите, но никогда не стану подхалимом и доносчиком, даже когда вы этого хотите.

Неблагодарные афиняне хотели однажды выдать его Александру Македонскому. Тогда Демосфен рассказал им басню об овцах, выдавших своих собак волкам. Себя самого и своих товарищей он сравнивал с собаками, дравшимися за народ, а Александра назвал „единственным по своей жестокости волком“.

Демосфену пришлось собственными глазами видеть поражение и позор своей родины: македонянам удалось-таки подчинить себе Афины. Но слава о честности Демосфена была так велика, что даже во время господства македонян нельзя было заставить судей обвинить его. Обвинители не собрали и одной пятой части голосов судей.

Им, правда, пришлось в угоду сторонникам македонян изгнать Демосфена из города. Но уже очень скоро они раскаялись в этом и с большим почетом пригласили его назад в Афины.

Когда Демосфен увидел, что дело свободы погибло безвозвратно, он принял яд и умер, ни разу не изменив свободе и не служа тиранам.

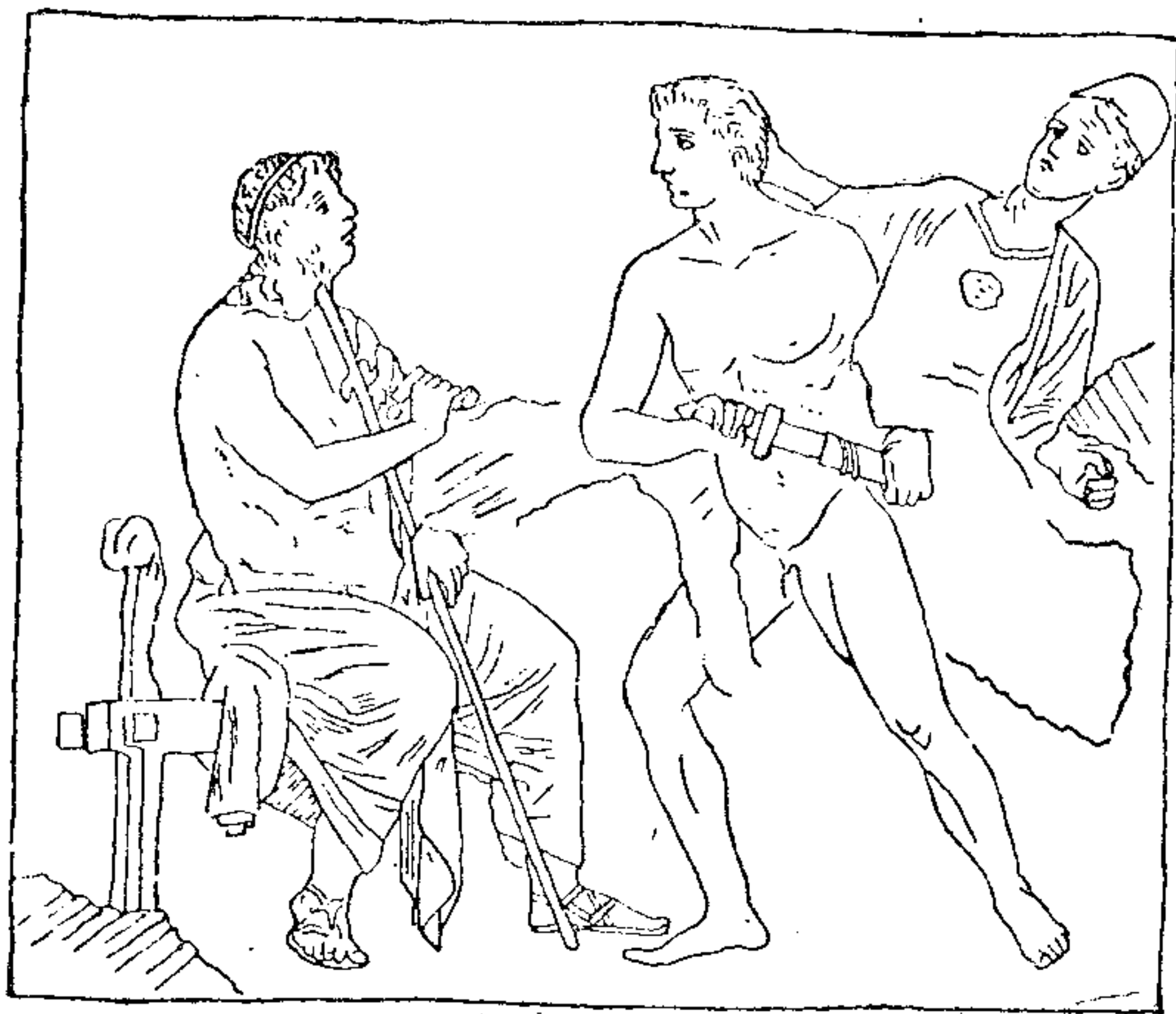
Лежа на своей кровати, Феон мечтал, как он станет новым Демосфеном. Он сочинял красивые, зажигательные речи, призывающие египтян и греков свергнуть иго римских тиранов.

Наконец, наступил вечер пира, в котором должен был участвовать Кассий. Феона, как маленького, не пустили в триклиний (столовую), но из-за стены он слышал веселый шум голосов и звон кубков. Он слышал игру флейтистов,

до него доносились обрывки греческих песен. Затем, он услышал звон оружия. Кто-то декламировал с протяжным завыванием греческие стихи.

Прислушавшись, Феон разобрал, что это — стихи из „Илиады“. Он подошел ближе к стене и, приложив к ней ухо, убедился, что Гомера декламировали два артиста, так называемые „гомеристы“. Один изображал Ахилла, другой — Агамемнона. Изображался, очевидно, спор Ахилла с

Ахилл и Агамемнон.

Агамемноном из первой песни „Илиады“. По звону оружия Феон понял, что оба актера были в полном вооружении. Но игра их не понравилась Феону. Они без толку растягивали слова и вопили во все горло, не заботясь о смысле. Когда они кончили, Феон услышал голос своего отца. Отец, желая понравиться Кассию, говорил, что его маленький сын декламирует Гомера лучше и с бóльшим выражением, чем эти артисты. Кассий попросил, чтобы привели мальчика.

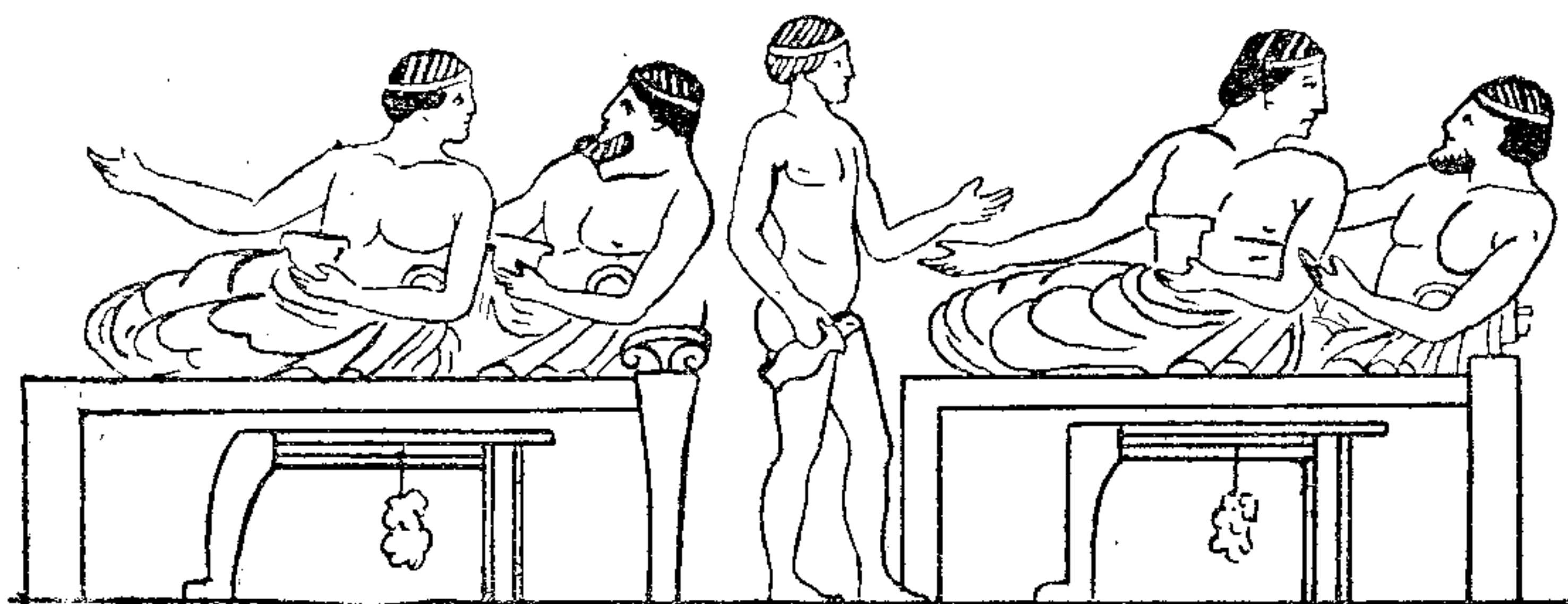
Как ни упирался маленький Феон, ему пришлось пойти на пир. Он увидел большой зал, освещенный ярким, но мигающим светом лампад и смоляных факелов. С трех сторон стола стояли кушетки. На каждой из них возлежало

по два гостя. Здесь были римляне, греки и евреи. С четвертой стороны к столу не было ничего приставлено: с этой стороны подавали кушанья. На столе Феон увидел вина и всевозможную фаршированную птицу.

На самом почетном месте возлежал Кассий, тучный, бритый, уже седеющий римлянин. Он приказал Феону продекламировать сцену с Ферситом из второй песни „Илиады“.

Феон терпеть не мог этой сцены — она казалась ему самым худшим местом в „Илиаде“. Здесь ни за что, ни про что бьют человека, а вся вина его в том, что он говорил правду и происходил из простого народа. Аполлоний

На каждой кушетке возлежало по два гостя.

даже говорил Феону, что первоначально этого места не было в „Илиаде“. Оно было вставлено позже богатыми и знатными людьми из ненависти к простому народу.

Но Феон понимал, что отказаться нельзя: от этого, может быть, зависела судьба его отца. Он взял в руку пальмовую ветвь и стал декламировать.

Он рассказал, как Одиссей навел порядок в собрании ахейн, уговаривая тех, кто познатнее, а тех, кто из простого народа, ударяя своей дубинкой. Но вдруг поднялся Ферсит, человек простого происхождения, к тому же косоглазый, хромой и горбатый. Ферсит требовал, чтобы ахейне перестали воевать: от войны страдает беднота, а вся выгода—

богатым и знатным. Пусть, говорил он, Агамемнон останется здесь один, мы же уплывем домой:

Пусть он увидит,

Служим ли помощью в брани и мы для него, иль не служим.

Но Одиссей не стал долго разговаривать с Ферситом: он сорвал с него одежду и избил его своим скипетром, так что он весь покрылся кровоподтеками. Ферсит зарыдал, а все ахеяне вокруг захохотали.

Феон кончил. Он продекламировал эту сцену так хорошо, что все за столом захлопали в ладоши, а Кассий сказал:

— Из тебя, клянусь Гераклом, может выйти хороший оратор. Твой отец должен научить тебя латинскому языку и готовить тебя в адвокаты. Я помогу тебе в этом. Наверно, мальчик, ты мечтаешь стать вторым Цицероном?

О Цицероне Феон ничего не слышал. Однако же, он сразу понял, что это какой-то высокопоставленный римлянин, — конечно, такой же противный и надутый, как сам Кассий. Меньше всего Феон хотел бы быть таким.

Феон совсем забыл, где он находится. Отдаваясь порыву и не думая о последствиях, он ответил дерзким и капризным тоном:

— Нет, не хочу я быть Цицероном и не хочу учиться латинскому языку. Я мечтаю стать таким оратором, как Демосфен.

Среди гостей пробежал ропот возмущения. Всех поразило не только содержание, но и тон слов Феона.

В то время особенно строго следили за застольными разговорами. Специальные шпионы наблюдали за гостями, и о каждом свободном слове, произнесенном на пиру в пьяном виде, доводилось до сведения римских властей. Доносили не только о каждой сколько-нибудь подозрительной речи, но даже о том, кто при этом кивнул головой, сочувственно улыбнулся или вздохнул. Всех этих людей ждала потом ссылка или еще похуже.

Каждый хозяин заботился о том, чтобы за его столом не было разговоров о политике, чтобы „его вино не привело

никого на скамью подсудимых“, как говорил римский поэт Марциал⁵⁵.

И вдруг такие слова — да еще во время восстания в Александрии!

Кассий даже вскочил с места.

— Если здесь так воспитывают детей, то мне здесь не место!

Ему стали объяснять, что отец Феона — вполне надежный и преданный власти человек, что мальчик рос вдали от отца и воспитывался мятежным Архелаем, скрывшимся неизвестно куда. Но это не помогало.

Спас положение хозяин дома. Он спросил у Феона:

— Что же ты знаешь о Демосфене?

Маленький Феон был догадливым мальчиком; он понял, что не следует ничего говорить о борьбе Демосфена с Македонией, а не то будет плохо и ему и его отцу.

И он сказал:

— Я знаю, что он был очень хороший оратор.

— И больше ничего? — спросил Кассий.

— Нет, я знаю еще, что он очень долго упражнялся, чтобы стать хорошим оратором. Он клал камешки в рот и старался заглушить своим голосом шум морского прибоя. Я тоже хочу упражнять свой голос. Поэтому я и сказал, что хочу походить на Демосфена. Что тут дурного?

Все рассмеялись. Гроза прошла. Мальчика усадили спать...

На следующий день отец имел серьезное объяснение с маленьким Феоном.

Маленький Феон бросил на отца взор исподлобья и сказал:

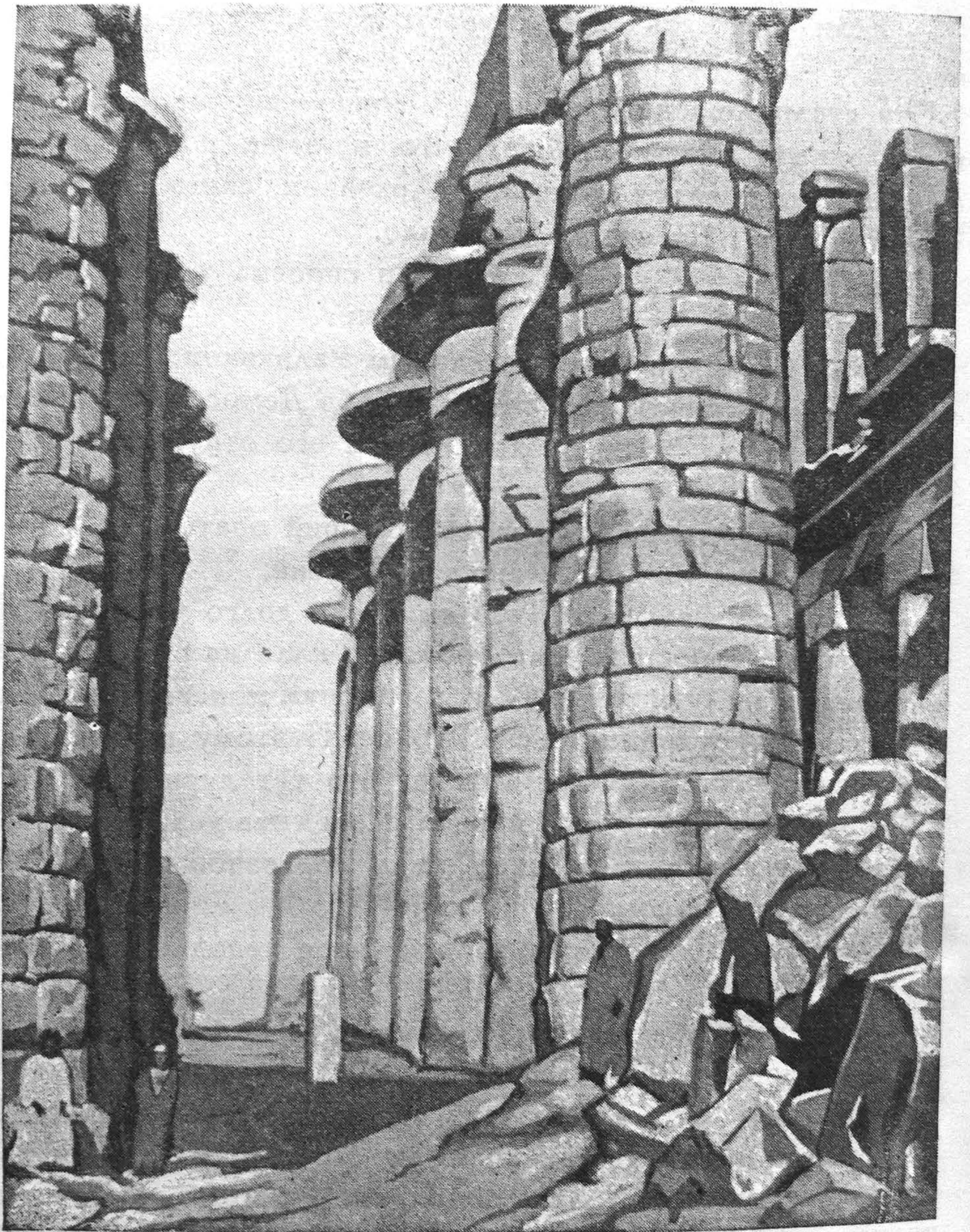
— Я ненавижу этих гордых римлян. Если бы я мог, я бы их всех зарезал.

— Глупец! Это я виноват, что плохо тебя воспитал. Ты был у меня единственным сыном, и у меня не подымалась рука жестоко наказывать тебя в детстве. И вот что получилось: Глупый! Ведь римляне — наши благодетели. Без них мы бы погибли.

— А мне жаль, что восстание против них не удастся, — пробурчал Феон.

— В том-то и беда, что это совсем не так. Поэтому-то твои слова на пиру и были особенно возмутительными.

Разве греки создали такие величественные вещи? (К стр. 59.)

Знай же, что греческие и египетские повстанцы соединились вместе. Один из их главарей — Иларион, отец того мальчика, за которого ты так необдуманно заступился. Им удалось захватить обе гавани, — поэтому они получают сколько угодно подкреплений из Египта, а римляне не могут послать за помощью в Рим. В руках повстанцев уже большая часть города. Страшно подумать, что может натворить чернь, если им удастся вовсе выгнать римлян. И представь себе — они не погнушались вступить в союз с рабами. Впрочем, в этом восстании рабов немалая вина и некоторых римлян.

— Ну, конечно, римлян, — обрадовался Феон. — Я же и говорю: римляне во всем виноваты.

— Не говори глупостей. Я обвиняю не римлян вообще, а только некоторых отдельных римлян. Вот здесь, например, в Александрии, жил богатый римлянин Гемин Фуск. Он с исключительной бесчеловечностью обращался с рабами, — за каждую мелочь бичевал и даже клеймил рабов, посылал их работать на мельницу, а более виновных, говорят, даже засекал до смерти. Его жена еще превосходила его в жестокости: своим рабыням она выбивала зубы, ставила на лицо клеймо и всячески уродовала их только за то, что они были красивее ее, а она не терпела рабынь, которые были красивее, чем их госпожа. Как только вспыхнуло восстание египтян, восстали и рабы Гемина, а вслед за ними и другие рабы, которым особенно тяжело жилось у господ. Рабы вытащили Гемина на улицу; один раб вонзил ему в бок меч, другой разрубил ему топором шею. Жена Гемина была изуродована и растерзана своими рабынями. Но дочь Гемина хорошо относилась к рабыням, часто прятала их от матери и всячески старалась помочь им. Ей не только ничего не сделали, но даже помогли уйти к родственникам в другой квартал города, где не было восстания. Ты видишь: все то, что натворили рабы, имело причиной не столько жестокость их натуры, сколько было мстью за надругательство Гемина и им подобных. С рабом надо быть строгим, его надо

сурово наказывать за проступки, но нельзя же издеваться над ним без вины... А теперь — страшно подумать, что творится в городе.

Феон был в восторге. Он подпрыгивал от радости и, задыхаясь, повторял:

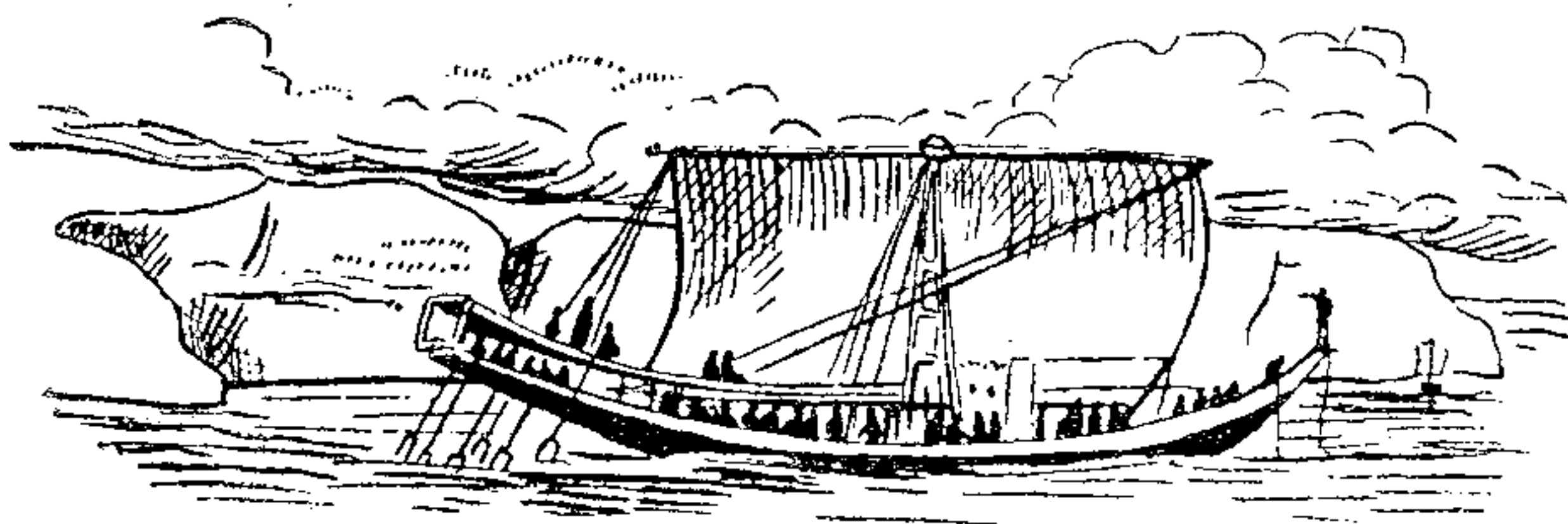
— Как хорошо! Как хорошо! Так им и надо!

— Глупый ты! — возмущенно говорил отец. — Что здесь хорошего? Они отберут у нас наш дом, наш сад, наше имущество...

— И пусть!..

— Хорошее „и пусть“! Они заставят тебя работать, не разгибая спины, и самому копать землю!

Феон на минуту задумался, но потом сказал:

Нильский корабль.

— Буду копать! Лишь бы не было этих тиранов.

— Дурак! — крикнул в сердцах отец, отер пот с жирного лица и вышел, хлопнув дверью.

В ближайшие дни уезжать было нельзя: пристань была занята повстанцами. Феон сидел дома или в саду и мечтал.

Он мечтал, как во главе Египта станет Аполлоний. Аполлоний будет жить во дворце префекта и целый день будет проводить над книгами в Музее. А он, Феон, будет его помощником. Он будет читать книги, написанные в старое время в свободной Элладе, и будет с балкона дворца произносить красивые речи свободному народу.

Через несколько дней отец Феона пришел домой радостный и оживленный.

— Ну, наконец, кончается это безобразие! Между по-

встанцами начались раздоры. Из восточного Египта пришел легион римских солдат и наголову разбил их. Говорят, их вождь Иларион уже бежал. Они еще держат в своих руках один квартал Александрии, но и этот квартал уже подожжен римлянами с разных концов. Пристани уже снова в руках правительства, — мы можем через пару дней ехать домой. С восстанием кончено.

Феон побледнел. У него задрожала губа, и из глаз полились слезы...

Когда на следующий день Феон вышел на улицу и стоял перед домом, к нему подошел оборванный египетский мальчик. Верхняя часть лица мальчика была обвязана тряпками, а нижнюю он закрывал полкой плаща. Он сказал Феону глухим шопотом:

— Хочешь увидеть Аполлония?

— Конечно.

— Тогда иди за мной.

Феон оглянулся, — нет ли поблизости кого-либо из родителей или из семьи Лурия, — и пошел за мальчиком. Они проходили мимо великолепных дворцов, памятников, статуй, им навстречу промаршировал отряд римских солдат в блестящем вооружении, но Феон не замечал ничего. У него стучало в висках, и глаза были полны слез. Наконец, мальчики подошли к выжженному кварталу. Они пошли между домов по предательскому пеплу, рискуя каждую минуту обжечь себе ноги. Феон всматривался в своего спутника. Во всей его фигуре, в манере ходить было что-то очень знакомое. Феон хотел заговорить с ним, но в эту минуту они вошли в развалины сгоревшего здания и спрыгнули в дыру, искусно закрытую досками и тряпками. Это был вход в подземелье.

Пройдя подземный коридор, они вошли в комнату, освещенную чадным и тусклым светом лампы. Мальчик стал поправлять фитиль, и Феон увидел, что у него вывернут и изуродован большой палец руки.

— Аполлонарис! — воскликнул Феон.

— Тише, — сказал Аполлонарис. — Видишь?

На полу, на соломе лежал Аполлоний в изорванной одежде, в повязках. Он был весь изранен, и в нескольких местах кровь каплями сочилась из-под повязок.

Аполлоний, увидев Феона, горько улыбнулся.

— Здравствуй, Феон. Я, как видишь, умираю.

Феон судорожно схватил его за руку и сказал, захлебываясь слезами:

— Не умирай, дорогой, не умирай же. Я останусь около тебя. Я буду ходить за тобой. Но только не умирай! Что же из того, что ты ошибся в своих расчетах? Демосфен тоже ошибся.

Глаза Аполлония загорелись. Он приподнялся на локте и сказал слабым голосом:

— Неправда! Я не ошибся. Весь план был продуман до мелочей. Но Иларион был прав: эти александрийские греки оказались предателями!

— Они-таки предали вас?

— Да, и еще как!.. Когда римляне увидели, что мы победили, что в наших руках почти весь город, они применили свою обыкновенную политику — *divide et impera*, — разделяй и властвуй. Александрийским грекам обещали, что им не только простят их участие в мятеже, но что им дадут еще все те льготы, которых добивались они и их предки. А знатные греки и так неохотно вошли в союз с египтянами и рабами. Этих обещаний оказалось достаточно. Несмотря на полную удачу восстания, они перешли на сторону римлян. Мало того: они выдали им наши военные тайны. Римскому легиону, пришедшему в Александрию, удалось окружить нас. Мы дрались, как львы, но вскоре увидели, что сопротивление бесполезно.

— Значит, теперь все кончено? Никакой надежды больше нет?

— Нет, надежда есть. Иларион с отрядом храбрецов прорвался сквозь римские заграждения. Они укрепились в Буколии, в болотистой части Дельты. Римские солдаты бес-

сильны против них. Там они придут в себя и оправятся. К ним будут подходить подкрепления, и со временем с новыми силами они пойдут на римлян.

— А если греки вас опять предадут?

— Ну нет, этого урока с нас достаточно. Будущее восстание будет восстанием только одних угнетенных. Всех же угнетателей, — будь то римляне или греки или богатые египтяне и евреи, — мы будем считать своими врагами. Иначе... нам не победить... Но прощай... Иди... Тебе здесь нельзя дольше оставаться...

Аполлоний закрыл глаза, и Феон тихо вышел из подземелья.

Не успел он пройти полкилометра, как его нагнал Аполлонарис.

— Умер Аполлоний, — сказал он жестким, глухим голосом.

Это было так ужасно, что Феон не нашел ни слова в ответ и остался стоять растерянный.

Аполлонарис нахмурил брови и сказал:

— Что же, что он умер? Борьба еще не кончена. Ты слышал, что он сказал перед смертью? Он сказал: не должно быть ничего общего между притеснителями и угнетенными. Ты должен быть или с ними или с нами. Если ты возвратишься к ним, — ты наш враг. Я еду сегодня к отцу, в Буколию. Поезжай со мной. Не скрою от тебя: нам предстоит тяжелая жизнь, лишения, опасности. Но мы будем бороться до последнего издыхания.

Феон уже готов был протянуть Аполлонарису руку и пойти с ним. Но тут он вспомнил уютный отцовский дом. Вспомнил толстого, добродушного отца и мать с ее такой милой улыбкой. Эти люди только и думают о том, как бы сделать что-нибудь приятное их единственному сыну. Вспомнил дядю Архелая, вспомнил греческие книги и дорогую ему Элладу, страну героев, наполнявшую его душу гордостью и отвагой.

И вот теперь — Аполлоний умер. А эти бедные, несчаст-

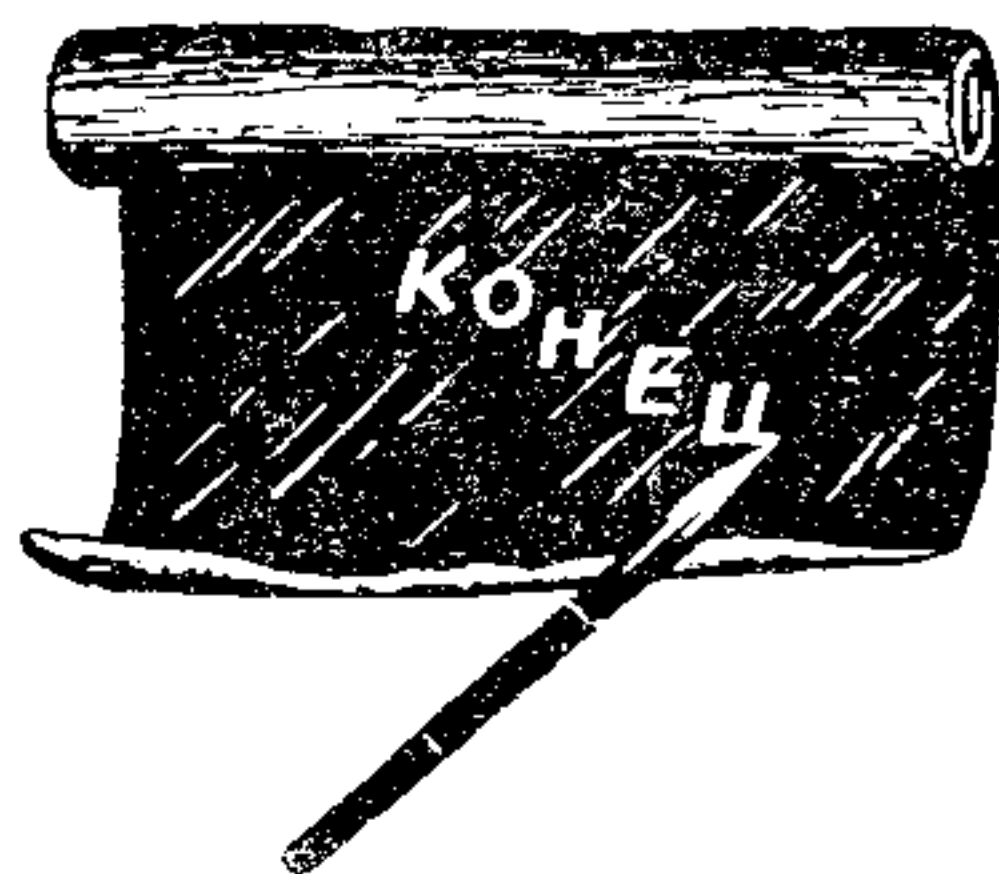

ные люди — что им до Эллады? Они только ненавидят эллинов, как угнетателей. Он будет жить среди них, озлобленных, некультурных, грязных людей, спать на полу и все время, как затравленный зверь, бояться облавы. И ни слова привета, ни одной близкой души, ведь Аполлоний умер...

И Феон, сутулясь и не оборачиваясь, быстрыми шагами пошел к дому Лурия.

.....

Вот, дорогой коллега, что я, советский ученый, увидел в Египте. Маленький папирус послужил мне действительно как бы билетом для путешествия. Еще раз благодарю Вас за ценный подарок."

ОБЪЯСНЕНИЕ НЕПОНЯТЫХ СЛОВ, ОТМЕЧЕННЫХ В ТЕКСТЕ ЦИФРАМИ.

¹ **Археология** — наука, изучающая памятники древности: постройки, предметы домашнего обихода, рабочий инструмент, статуи и т. д. Ученые, занимающиеся археологией, называются археологами.

² **Каир** — нынешняя столица Египта, местопребывание египетского правительства.

³ **Мумии** — трупы, находимые в египетских гробницах. Из трупа вынимали внутренности и опускали его на 70 дней в раствор натра. Потом труп наполняли благовонными травами. В этом заключалось бальзамирование. Если набальзамированный труп находится в сухом месте, — он не гниет. Поэтому мы еще и теперь можем видеть египетских царей, живших многие тысячи лет тому назад, почти такими же, какими они были при жизни. Мумии можно видеть в Москве — в Музее изящных искусств, в Ленинграде — в Эрмитаже.

⁴ **Амулет** — предмет, которому придается чудодейственное значение. Это чаще всего кусочек кожи, дерева или металла, на котором писались заклинания или религиозные изречения. Амулет носили обычно на шее, под одеждой.

⁵ **Архив** — собрание старых документов.

⁶ **Птолеми** — потомки Птолемея Лага, полководца Александра Македонского, ставшего царем Египта после смерти Александра в 322 г. Птолеми правили Египтом до 30 г. до н. э.; в этом году египетская царица Клеопатра из династии Птолемеев принуждена была покончить самоубийством, и Египет стал принадлежать римскому императору.

⁷ **Сикомора** — декоративное растение, сажаемое обычно у домов. Имеет твердые листья, которые при падении разбиваются как стекло. Хорошо переносит засуху.

⁸ **Фригийцы** — народ, живший в Малой Азии, откуда греки получали большую часть своих рабов. У греков была даже пословица: „Чем больше бьешь фригийца, тем он становится умнее“.

⁹ **Адриан** (полное имя: Траян Адриан Август) — римский император, правивший после Траяна с 117 по 138 год. Разрушил Иеру-

салим (главный город еврейской страны Палестины), а на его месте построил греческий город Элию Капитолину. Из всех провинций больше всего дорожил Египтом; давал Египту различные льготы; сам путешествовал по Египту. Действие нашего рассказа происходит в последние годы царствования Адриана.

¹⁰ Т а л а н т — см. драхма.

¹¹ Е в р е и были в Египте довольно многочисленны уже в эпоху Птолемеев. После того, как Помпей взял Иерусалим в 63 г. до н. э., а затем Тит в 70 г. н. э., в Египте появились большие массы евреев-рабов, которых, однако, еврейские общины обычно выкупали на волю (упоминаемые в папирусах и в нашем рассказе Лурии, быть может, принадлежат к числу выкупленных на волю рабов знатного римлянина Марка Лурия Агриппы). В Александрии евреев было около 150 тыс.; из четырех кварталов города один был целиком заселен евреями. При столкновениях египтян и греков с римлянами зажиточные евреи обыкновенно были на стороне римлян.

¹² Д р а х м а — серебром — греческая серебряная монета, заключала 3,9 г серебра, т. е. 22 коп. сер. Наш серебряный рубль содержит 18 г серебра (однако, на драхму можно было купить примерно столько продуктов, сколько на наши деньги можно купить на 30 рублей, так как серебро в то время было очень дорого). В интересующее нас время под драхмой обычно разумеется равноценная ей римская монета — денарий. В эллинскую эпоху драхма равнялась 6, а в римскую — 7 медным обольам: 6000 драхм составляли 1 талант (1 талант = 1350 руб. серебром).

¹³ О б о л, см. драхма.

¹⁴ М у з ы — девять богинь-покровительниц различных искусств. Из них Клио была покровительницей науки, — прежде всего, истории.

¹⁵ М е д я н к а — азартная игра, вроде нашей игры в орла и решотку.

¹⁶ А п о л л о н — греческий бог, сын Зевса и Латоны, покровитель наук и искусств, в особенности музыки. Его оракул (см. прим. 41) находился в Дельфах, в Средней Греции.

¹⁷ А ф р о д и т а, греческая богиня, дочь Зевса, богиня любви, жена хромого бога, кузнеца Гефеста, любившая бога войны Ареса. Ее сын бог Эрот (Амур). Римляне отождествляли с ней свою богиню Венеру.

¹⁸ П а р и с, по греческим сказаниям, — юный царевич-пастух, сын троянского царя Приама. Похитил спартанскую царицу Елену, что послужило причиной Троянской войны, описанной в „Илиаде“. Впоследствии убил главного греческого героя Ахилла. Все рассказы о Парисе — сказка.

¹⁹ А р т е м и д а, греческая богиня, сестра Аполлона (см. прим. 16). Римляне отождествляли с ней свою богиню Диану. Богиня-покровительница охоты.

²⁰ К а л л и г р а ф и ч е с к и й почерк — аккуратный, изящный, от слова „каллиграфия“, чистописание.

²¹ П и ф а г о р — греческий философ конца VI в., живший в греческом городе Кротоне в Италии. Основатель пифагорейской секты. Проповедывал воздержание от мясной пищи и переселение душ из человека в животное и наоборот. Ему ошибочно приписывается так наз. теорема Пифагора (сумма квадратов катетов равна квадрату гипотенузы).

²² Т о т — египетский бог, изображавшийся с головой павиана или ибиса. Греки отождествляли его со своим Гермесом (Меркурием). Поэтому и город Эшмун, где находился главный храм Тота, получил название Гермополя. Он считался мудрым и ученым богом, богом календаря, первым законодателем, писцом у богов. Поэтому он был богом-покровителем законопедов, нотариусов и писцов.

²³ Н о м. Египет с древнейших времен распадался на области-номы. Во главе нома стоял номарх, главной обязанностью которого было соби- рание податей. Главный город нома назывался метрополией. Так, метро- полией Оксиринхского нома был Оксиринх, метрополией Арсиноита (нынешнего Фаюма) — Арсиноя.

²⁴ Е в р и п и д — знаменитый афинский поэт, живший с 480 по 406 г. до н. э. В его трагедиях впервые стали играть важную роль женщины и незнатные люди. Хотя его трагедии относились к сказочным време- нам, но в них он говорил о вопросах, занимавших его современников. Самые знаменитые его трагедии — „Медея“ и „Гипполит“.

²⁵ А л е к с а н д р, царь Македонии (в Сев. Греции), правивший с 336 по 323 г. до н. э. Уже в конце царствования его отца Филиппа гре- ческие государства только считались самостоятельными, а в действитель- ности были подчинены македонскому царю. В 332 г. Александр подчи- няет себе также Египет, в 331 г. — всю переднюю Азию (Персидское царство), в 327—325 г.г. совершает поход в Индию.

²⁶ Ф и д и й — афинский скульптор, родившийся в начале V века. Его знаменитейшие произведения, — статуя Зевса в Олимпии и статуя Афины в Афинах, о которой говорится в тексте. Фидий был одним из образованнейших людей своего времени.

²⁷ Ф р и н и х — древнейший афинский трагический поэт; его трагедии до нас не дошли. Жил еще до Эсхила (см. прим. 28) и писал трагедии исторического содержания, — „Взятие Милета“ (496 г.) и „Финикиянки“.

²⁸ Э с х и л — знаменитый афинский поэт, живший с 525 по 456 г. до н. э. В его трагедиях еще очень мало действия: выступают только 1 или 2 актера; большую часть его трагедий* заполняют песни хора. Его зна- менитейшая пьеса — „Скованный Прометей“.

²⁹ С о ф о к л — знаменитейший из афинских трагических поэтов, жил с 497 по 406 год. Его лучшие трагедии „Царь Эдип“ и „Антигона“ нередко ставятся на сцене и в наше время.

³⁰ М и л е т — до конца VI в. был самым большим городом в Греции, центром промышленности, торговли и культуры (здесь жили знаменитые

философы-ученые Фалес, Анаксимен и Анаксимандр). В 494 г. разрушен персами, в 479 г. снова отстроен, но уже не мог сравняться по значению с Афинами. Остался лишь центром ткацкой промышленности.

³¹ К л а в д и й — римский император из дома Клавдиев, правивший с 37 по 54 год н. э. Обычно его изображают тупым и кровожадным тираном, но найденное недавно его письмо к александрийцам по поводу волнений в Александрии показывает, что он был искусным дипломатом и тонким политиком.

³² И с и д о р и Л а м п о н — вожди греческого национального движения в Александрии при императорах Гае Калигуле (37—41 г. н. э.) и Клавдии (см. прим. 31). Устроители еврейского погрома в Александрии; в 52 г. н. э. были казнены императором Клавдием.

³³ П а в е л и А н т о н и н — вожди греческого националистического движения в Александрии при императоре Адриане (см. прим. 9). Устроители еврейского погрома в Александрии. Антонин был казнен Адрианом. До нас дошел обрывок александрийского романа, где рассказывается о посольстве Павла и Антонина к императору Адриану.

³⁴ П ы т к а у к с у с о м — чрезвычайно жестокая древне-греческая пытка. В ноздри вкладывали кусочки мела, затем поливали их уксусом. Выделялся углекислый газ, мучительно затруднявший дыхание. Об этой пытке упоминается уже в V веке до н. э. Эту пытку часто применяли и христиане; только в VII веке н. э. она была запрещена арабами, покорившими Египет.

³⁵ К с е н о ф а н — греческий философ, живший в начале V в. до н. э. Объезжая различные греческие города, он декламировал свои философские стихотворения. Он выступал против общепринятых взглядов: считал, что бог не имеет человекоподобного образа, высмеивал учение о переселении душ, считал нелепым, что греки прославляют не мудрецов, а победителей в гимнастических состязаниях.

³⁶ Э л л и н — то же, что грек; Э л л а д а — то же, что Греция.

³⁷ Х у ф у или Х е о п с — самый знаменитый из древнейших египетских фараонов, жил в эпоху Древнего Царства. Построил величайшую из пирамид, сохранившихся до нашего времени в Гизе. На постройке этой пирамиды работали десятки тысяч египтян: работа была очень трудной. Поэтому в сказаниях он изображается как злодей и насильник. После него воцарился Хафра.

³⁸ И с и д а — жена Осириса, египетская богиня, сходная с христианской богородицей (она также изображается с богом-сыном Гором на руках). Когда злой демон Сет убил Осириса и разбросал куски его тела по всему миру, она собрала эти куски вместе и совершила погребальные обряды по Осирису. Ее почитали и греки.

³⁹ Х а ф р а, предшественник Менкера (см. прим. 40). Обычно его называют Хефрен. Построил вторую из знаменитых египетских пирамид в Гизе.

⁴⁰ М е н к е р а — обычно его называют Микерин — египетский фараон Древнего Царства, живший около 2700 г. до н. э. и построивший третью из знаменитых египетских пирамид в Гизе. Царствовал после Хаффа.

⁴¹ О р а к у л — в храмах некоторых богов, напр. греческого бога Аполлона в Дельфах или египетского бога Анубиса, жрецы от имени бога предсказывали приходящим будущее. Оракулом называют и место, где дается предсказание, и самое предсказание.

⁴² Б э л (обычно его называют „Баал“), он же Мардук, один из верховных богов вавилонян, финикиян и др. переднеазиатских народов („Бэл“ — не собственное имя, а значит только „господин“, „господь“; бога называли так потому, что считалось грехом произносить его настоящее имя). Египтяне считали его покровителем азиатов, врагов Египта („Красной земли“ в противоположность „Черной земле“ — Египту). В Египте он был отождествлен с Сетом (см. прим. 48), злым врагом Осириса (см. прим. 45), и считался демоном зла, источником бед.

⁴³ А з и а т ы в Е г и п т е. В основу египетского сказания об азиатах и прокаженных в Египте лег исторический факт: в XVII веке до н. э. в Египет вторглись из Азии кочевники-гиксосы, подчинили себе Египет и правили в нем около 100 лет (эпоха после гиксосов носит название Нового Царства). Однако народное сказание разукрасило это событие чисто-сказочными подробностями.

⁴⁴ А м е н х о т е п — имя ряда египетских фараонов эпохи Нового Царства. Легенда имеет в виду Аменхотепа IV, правившего с 1375 по 1358 г. до н. э. Аменхотеп действительно отменил почитание всех египетских богов и ввел культ единого бога — бога солнца. Он запретил также изображать богов в виде людей и животных: его бог, который назывался Атоном (солнечным диском), изображался в виде солнца с лучами, расходящимися во все стороны и кончающимися человеческими руками (бог-податель). Сам он стал называться в честь нового бога Эхнатомом („Духом Атона“). Уже через несколько десятилетий после смерти Эхнатона была снова введена старая религия, а самого его с этих пор не называли иначе, как „преступником“ или „еретиком“.

⁴⁵ О с и р и с — один из важнейших египетских богов, символизирующий увядающую и возрождающуюся природу. Его брат, злой демон Сет, убивает его, но его жена Исида (см. прим. 38) собирает растерзанные части трупа и бальзамирует его. Он воскресает в загробном мире и становится судьей всех мертвых.

⁴⁶ А м е н х о т е п, сын Хапу, архитектор и мудрец, живший в эпоху фараонов Аменхотепа III и IV. Его изречения еще через 1200 лет после его смерти пользовались популярностью даже у греков, а во времена Птолемея (см. прим. 6) ему стали поклоняться, как богу.

⁴⁷ А н у б и с, египетский бог, изображавшийся с головой шакала.

Анубис был богом загробного, подземного мира, в частности богом бальзамирования мумий (см. прим. 3).

⁴⁸ С е т — египетский бог, злой демон, брат Осириса, покровитель Красной земли (см. Бэл). Убивает Осириса, но его убивает сын Осириса — Гор. Его изображение (с рогами на лбу) сильно напоминает христианского дьявола.

⁴⁹ С и р и я — страна, лежащая на восточном берегу Средиземного моря, ограниченная р. Евфратом, и хребтами Аманом и Тавром. Частями Сирии были, кроме собственной Сирии, Палестина и Финикия. После разделения государства Александра в Сирии стала господствовать династия Селевкидов, затем Сирия перешла под власть римлян. Столицей Сирии была Антиохия с гаванью Селевкийей.

⁵⁰ Н у б и я — государство, лежавшее вверх по Нилу, к югу от Египта. Главное население составляли негры, отличавшиеся выносливостью и силой. Египтяне часто делали набеги на Нубию и захватывали нубийцев в рабство.

⁵¹ О б е л и с к — высокая трехгранная колонна, суживающаяся кверху. Обелиски ставили в память выдающихся исторических событий и покрывали иероглифами.

⁵² М а я к — высокая башня с фонарем, обычно на берегу моря (александрийский маяк стоял на острове и был соединен с берегом длинным мостом-дамбой). Освещает море на большом пространстве и указывает дорогу приближающимся судам.

⁵³ С т а д и я — 100 километров.

⁵⁴ Д е м о с ф е н, знаменитый греческий оратор, впервые выступивший в 366 г. до н. э. Он особенно прославился рядом речей против македонского царя Филиппа, отца Александра. Уже в 351 г., когда он выступил со своей первой „Филиппикой“, он ясно понимал, что политика Филиппа приведет к тому, что последний захватит в свои руки Грецию, и что все греческие города (в том числе Афины) должны будут лишиться своей самостоятельности. Он произнес ряд речей; ему удалось организовать героическое сопротивление Филиппу. Однако победителем все же остался Филипп; попытки восстаний в царствование его сына Александра и после смерти Александра также кончились неудачей; в 322 г. Демосфен, преследуемый македонскими солдатами, принужден был принять яд.

⁵⁵ М а р ц и а л, римский поэт, писавший при императорах Тите (79—81 г. н. э.) и Домициане (81—96 г. н. э.). Его стихотворения рисуют ужасную картину разврата в высших слоях римского рабовладельческого общества.

~~25097~~ 48899

1 РУБ.

ΘΧΡ ΖΟΗΣ
ΒΙΘ ΡΠΙΓΜ,
ΑΝΙΛΟΧΩΙ
ΝΕΣΤΟΓΟΣΥ
ΟΥΜΕΝΓΛ'Π
ΣΤΓΟΦΑΙ ΟΥ
ΣΣΕΥΕΥΟΝ
ΙΟΥΑ ΖΝ